

Никита Лаптев
Перекрёсток внутри меня

Никита Лаптев

Перекрёсток внутри меня

«Издательские решения»

Лаптев Н. А.

Перекрёсток внутри меня / Н. А. Лаптев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966383-2

Её уход сильно подкосил меня и всех нас. Было сложно принять факт того, что она более не вернётся. Но время, как известно, лечит не хуже любого психолога. Однако, когда спустя несколько лет, я на хмельную голову дал своему последнему, исчезающему другу клятву, что пересплю с двумя незнакомыми женщинами, то я и предположить не мог кого среди них встречу. Ту, что исчезла много лет назад. Ту, что была моей первой и единственной любовью.

ISBN 978-5-44-966383-2

© Лаптев Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Пролог. Путь завершается	7
Часть первая. Истоки Пути	11
Часть вторая. Блуждание	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Перекрёсток внутри меня

Никита Андреевич Лаптев

© Никита Андреевич Лаптев, 2019

ISBN 978-5-4496-6383-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Один, посреди этой пустоши, в тысяче миль от тебя.
Но я так и не забыл твою нежную кожу, запах твоих волос.
Я думал, что тысячи миль будет достаточно.
Пожалуй, я пойду дальше....*

Аннотация

Её уход сильно подкосил меня и всех нас. Было сложно принять факт того, что она более не вернётся. Но время, как известно, лечит не хуже любого психолога. Однако, когда спустя несколько лет, я на хмельную голову дал своему последнему, исчезающему другу клятву, что пересплю с двумя незнакомыми женщинами, то я и предположить не мог кого среди них встречу.

Ту, что исчезла много лет назад. Ту, что была моей первой и единственной любовью.

Пролог. Путь завершается

Когда я задерживался после работы, то всегда представлял себе одну и ту же картину, нежно убаюкивающую моё уставшее за день сознание. Свет в офисе гаснет, я ухожу последним, прощаюсь с вахтёром и иду в, уже ждущее меня, такси. Я не называю водителю адреса, он итак знает, куда надо ехать, этот человек здесь не в первый раз. Он ни о чем не спрашивает, не включает музыку, не говорит со мной о политике, подорожании бензина или о том насколько раньше было лучше. И даже не ругается на проезжающих мимо лихачей. Я очень благодарен ему за это, меньше всего сейчас хочется с кем-то разговаривать или вообще думать. За целый день я только этим и занимался, поэтому в голове сейчас настоящий туман, она кажется тяжёлой, будто котелок с жидким свинцом.

Вечерний город плавно переходит в ночной, машин вокруг нас становится всё меньше и меньше, а тёплый оранжевый свет фонарей охватывает дорогу по бокам, и темнота скрывает все изъяны каменных джунглей. Мы едем очень тихо, никакой тряски от кочек и камней, будто бы слегка парим над асфальтовым покрытием, и мне хочется, чтобы это продолжалось вечно. После тяжёлого рабочего дня я чувствую себя опустошённым, мне кажется, что я последний человек на планете Земля, доживающий вместе с ней остатки своих дней. Здания вокруг становятся всё ниже, редуют и исчезают совсем, очевидно мы уже выезжаем за город. Я не знаю точной дороги к этому месту, но водитель знает, я доверяю его молчанию. Прислонившись щекой к стеклу, я смотрю в окно. Мы уехали очень далеко от города, а значит, конечный пункт уже близок.

Начинает светлеть, приблизительно в пятом или шестом часу утра мы заезжаем во двор небольшого двухэтажного здания. Под колёсами машины скрипит гравий, когда мы останавливаемся. Глохнет двигатель и наступает полная тишина. Не сразу, но постепенно ко мне приходит понимание, что пора выходить. Мне нравилось просто ехать в ночной тишине и ни о чём не думать, но время пришло. С некоторой неохотой я разминаю руки и ноги, киваю водителю и выхожу. Он ничего не говорит в ответ, он всё понимает. Я долго смотрю ему вслед, когда развернувшееся такси удаляется от здания и исчезает в утреннем тумане дороги. Сзади слышится скрип двери и шаги. Ко мне подходят двое мужчин в белых халатах, они не выглядят как врачи или грубые санитары, скорее просто два старых знакомых, которые итак знают, зачем я здесь, поэтому не задают никаких вопросов. Точь в точь как водитель такси. Один из них с жёлтыми от постоянного курения усами, приглашающим жестом указывает на главный вход. Другой постоянно держит левую руку в кармане, а правую протягивает мне, чтобы помочь идти. Я отрицательно качаю головой, ну нет, я ещё не настолько беспомощен.

Мы поднимаемся на второй этаж, высокие потолки здания покрылись жёлтыми пятнами, а со стен в некоторых местах осыпалась штукатурка. Пахнет старым деревом и линолеумом, под ногами скрипят доски. Само время когда-то пришло сюда, чтобы остановиться и отдохнуть. Мои спутники доходят до двери моей комнаты и, прежде чем зайти, я отдаю им всё, что есть в карманах. Паспорт, ключи, мобильник, кошелек, рабочий пропуск, даже все старые бумажки и фантики. Всё это уже не понадобится и, лишь будет напоминать о прошлой жизни. Я захожу в комнату и слышу щелчок закрывшегося замка за спиной, теперь нас точно никто не побеспокоит. Достая из кармана рубашки фотографию и долгое время смотрю на знакомый облик. Нет, это я не отдам, это никак не прервёт моего Пути.

Комната обставлена в совершенно минималистичном стиле, из предметов здесь есть только маленькая тумбочка, кровать, стул и крючок на стене для куртки. Я снимаю верхнюю одежду и ложусь на кровать, сетка жалобно скрипит под весом моего тела. Сквозь занавески пробиваются тусклые лучи рассвета, я смотрю, как блики света переливаются на старом истёртом линолеуме, а в воздухе летают крупинцы пыли. Наконец, я чувствую, как веки слипаются.

Ощущение времени в этом месте теряется, быть может прошло всего пара часов, а может и несколько дней. Неважно, в этом месте я теперь останусь навсегда, до окончания времён.

Водитель говорит, что мы приехали и моё забвение заканчивается. На самом деле я сказал ему адрес, и он привёз меня в определённую точку, как и всегда. Я расплачиваюсь за поездку, выхожу из машины и иду домой. Впрочем, это место сложно назвать моим домом. Эта квартира ещё одно пристанище, в котором я забываю о прошлом, которого мне не дано изменить. В неё я попал по странному стечению обстоятельств и по своему выбору, хотя ранее и представить себе такого не мог. Но многое изменилось с тех пор, когда я думал, что всё держу под контролем. Случайное освещение предметов в комнате, когда-то любимый запах, навеявший смутные воспоминания, строка забытого стихотворения, которое снова встретилось в книге, – вот от каких мелочей зависит течение нашей жизни. Из-за случайно данного когда-то обещания я оказался в месте далёком от привычной жизни и теперь вовсе не жалею об этом. Оно меня спасло. И его обительница меня спасла.

В такие вечера я всегда находил её на одном и том же месте. Я захожу в тёмную прихожую, включаю свет и снимаю ботинки. Никуда не торопясь, складываю ключи и кошелёк на тумбочку и бросаю взгляд на зеркало напротив. Круги под глазами становятся всё больше, сказывается отсутствие сна. Оттуда на меня смотрит человек, которому я с утра давал обещание продержаться. Прожить ещё один день, и это слово я вновь сдержал. Дорогу осилит только идущий, тот, кто продолжает делать шаги. Старая формула работает как часы, поэтому я продолжаю двигаться.

В квартире царила тишина, как будто все обитатели ушли. И всё же я жил тут не один и знал привычный распорядок хозяйки, а потому был уверен, где её найду. После работы и ужина она всегда, погасив свет, садилась перед включенным телевизором и молча, с одним и тем же выражением лица смотрела на героев сериалов, фильмов или новостей. Звук был настолько тихим, что казалось, будто бы телевещание работает у соседей за стеной. Волосы сзади на её макушке были небрежно перехвачены заколкой-крабиком, отчего большая их часть свисала справа, а остальное торчало небольшими прядями слева. Мне это зрелище почему-то напоминало грядку с морковью, где зелёная ботва разного размера топорщится в разные стороны. Когда я сказал про свою ассоциацию с морковной грядкой, то она лишь пожалала плечами и сказала: «По крайней мере, морковь, как и эта прическа, не лезет в глаза».

Чаще всего она смотрела совершенно глупые и бессмысленные, на мой взгляд, сериалы с плохой актерской игрой или избитыми сюжетами. Я как-то поинтересовался, почему именно эти мыльные оперы, и услышал: «Там одни и те же лица, это не так отвлекает». Такие простые и вместе с тем загадочные ответы были для меня в новинку, но постепенно я привык и мне даже нравилось.

Глядя на её молчаливое, спокойное лицо, освещенное лишь бликами работающего телеэкрана, мне казалось, что именно вот в такие моменты она дальше всего уходит к своему Перекрёстку, о котором однажды рассказала мне. Тому самому, что помогал ей всегда находить именно тот ответ, который мне хотелось услышать, не нуждаясь перед его произнесением в расспросах и уточнениях. Словно она знала мою душу до мельчайших подробностей. В руках у неё была кружка с горячим чаем, из которой она периодически делала небольшие глотки, не отрывая взгляда от экрана. Наверное, если исподтишка заменить чай на кофе, то она бы и не заметила разницы. Её сознание было далеко от меня и всего мира в эти моменты. Не было ни тени эмоций или жизни на её лице. Где-то я слышал, что чем меньше человек хмурится и улыбается, тем меньше у него появляется морщин. В таком случае её лик останется гладким и прекрасным навсегда. Как будто она и вправду умерла в шестнадцать лет, оставшись лишь воспоминанием, крепко отпечатавшимся на фотографиях и в моём сердце.

Я садился рядом и отдыхал после работы, смотрел телевизор вместе с ней, размышлял о прожитом дне. Потом ужинал и принимал душ. После этого наливал себе чай или виски

на два пальца и продолжал сидеть рядом, пока сонливость не начинала брать своё. Её глаза по-прежнему были открыты, дыхание оставалось мерным и спокойным, но она уже спала. Это было видно по расслабленным пальцам, более не сжимающим кружку, стоящую на подлокотнике дивана. Я закрывал её глаза и недолго любовался безмятежным лицом, освещенным лишь бликами телевизора, затем осторожно забирал кружку на кухню, выключал телевизор и уходил спать. Она обычно просыпалась посреди ночи и ложилась рядом со мной. Иногда я это чувствовал, иногда уже спал. Мы редко общались по вечерам.

Просыпался я в четыре или пять часов утра, гораздо раньше неё. Если снилось что-то плохое, то иногда в три. Глаза как обычно больше не смыкались, и я просто слушал тишину и её мерное спящее дыхание рядом. Смотрел на бледный силуэт её лица в ночи или на копну черных волос, растёкшихся по подушке, если она спала спиной ко мне. Мир между четырьмя и семью часами утра не похож на другое время суток, он больше напоминает остановившееся время. Время, когда ты снова вспоминаешь себя многолетней давности. Те заботы и опасения кажутся столь наивными и лёгкими, что даже улыбаешься им. Я понимаю, что это были самые счастливые наши годы. А потом она ушла на долгие семь лет, и я не знал, что со мною будет. До тех пор пока не встретил её вновь...

Она работает в отделе кадров одной фирмы по юридическим услугам. Её хорошо удаётся считать ложь других людей, поэтому она очень быстро отсеивает плохих кандидатов и за это её высоко ценят, несмотря на нелюдимый характер. В семь часов утра она идёт на кухню. Она всегда просыпается сама без помощи будильника и в одно и то же время, позвякивает на кухне тарелками и кружками, завтракает и уходит на работу. Я лежу и только слушаю, ведь мне выходить через два часа. Потом раздаётся звук захлопывающейся двери, и я остаюсь один. Теперь уже точно один в пустой и чужой квартире. Выходит, что и по утрам мы почти не общались. Настаёт момент, когда пора возвращаться в реальность. Ту, где я не опаздываю на работу, улыбаюсь шуткам коллег и обедаю в одном и том же месте.

Перед выходом я бросаю быстрый взгляд на зеркало, чтобы заново дать себе слово держаться. Я стараюсь не задерживать взгляд на своём отражении, иначе в голову начинают заползать совсем уж противоречивые мысли. Иногда я подумываю вообще перестать смотреть в зеркало, вид человека из них начинает удручать, это вовсе не моё отражение. Я прекрасно знаю, как выгляжу, достаю из кармана фотографию и разглядываю её. Тот весенний день, я и она стоим обнявшись и улыбающиеся. Там я настоящий. Пускай фотографии уже восемь лет, но она не может врать, в отличие от отражения, которое постоянно меняется.

Девушка, с которой я сейчас жил, совершенно не выделялась среди других. Не стремилась стать известной, не участвовала в разных акциях, не присутствовала на корпоративных вечеринках. Её внешность, характер и поступки не вызывали восхищенных, заинтересованных взглядов людей вокруг и она ни разу не была объектом сплетен за кружкой кофе во время обеденного перерыва. Думаю, что при таком раскладе её можно было бы назвать обычной, но я при первой же нашей встрече понял, что она особенная. Конечно же, я знал, что толкнуло меня на такие соображения. Отнюдь не то самое шестое чувство, благодаря которому предсказываются катастрофы и спасаются жизни в кино. Это была целая серия событий, которые подсказали мне, что эта женщина даст мне ответ. Ответ на вопросы, что мучили меня тогда. Хотя на тот момент я и не предполагал насколько извилистым будет путь.

Её одиночество было обусловлено некоторыми её странностями. И в обычных жизненных обстоятельствах, быть может, мы бы и не сошлись. Но как ни крути, а обычными их назвать было нельзя. От первой секунды нашей встречи и до самого текущего момента они были наполнены эмоциями, чувствами и внутренними метаморфозами. От этой общей встречи нам обоим было суждено переродиться и стать чуточку другими.

Именно об этом сейчас мелькали мысли в голове, когда я сидел рядом с ней на вершине горы. Я повернулся направо. Её немигающий взгляд смотрел куда-то в небо. Она была

очень тихим и замкнутым человеком, это если говорить, просто бросив мимолётный взгляд. Люди всегда делают слишком поспешные выводы. Черный цвет волос, серые глаза, скрытная и немногословная, вот, пожалуй, и всё что могли рассказать о ней другие. Но я знал гораздо больше. И это было доказательством того, что, несмотря на отсутствие громких слов или дел, она всё равно жила на этом свете...

Я потянулся рукой, чтобы закрыть её глаза, но она вдруг моргнула и посмотрела на меня.

– Ты же обещал, что не будешь больше так делать, – в её голосе слышится лёгкий укор.

– Извини, – улыбнулся я, – не смог удержаться. Последняя попытка всегда самая разочаровывающая, хочется попробовать ещё и ещё.

– Ты ещё живой, помни об этом. И я всё также с тобой.

– Знаю, знаю. Просто мне всегда казалось, что этот момент никогда не настанет. Что он где-то далеко, в необозримом будущем. И вдруг вот он, тот самый конец, вершина можно сказать. А я будто всё тот же шестнадцатилетний дурак, так и не осознающий его важность. И начинаю опять испытывать чувство вечного возвращения к этой лёгкости и тяжести. Они одновременно просыпаются во мне, – я ощутил, как грудь снова начинает стискивать железными обручами, захотелось несколько раз стукнуть по ней кулаком, чтобы унять эту поднимающуюся волну. – Мне до сих пор так сложно говорить об этом, прости.

– Твоё молчание было длиною с жизнь небольшого существа. Мало кто из нас выдерживает такое. Ты выдержал, я выдержала. Мы научились не выдавать наших чувств. А теперь учимся говорить о них. Теперь что-то умирает в тебе. Чтобы дать жизнь новому. Весь путь, которым ты прошел, вёл именно к этому. Ты ведь помнишь, с чего всё началось?

Меня уже давно и неотвратимо преследовало чувство окончания моего Пути. Я очень чётко осознавал, что сейчас происходит нечто непоправимое. Глаза наливались тяжестью, голова начала клониться к её плечу, последние силы оставляли меня. Но помнил ли я? Вновь постаравшись взять под контроль мысли, я, наконец, смог восстановить логическую цепочку событий. Да, я вспомнил. То с чего всё и началось... Давным-давно был далёкий мир, где жила девочка с острыми ушами...

Часть первая. Истоки Пути

Я встретил её в очень раннем возрасте. Мы тогда ещё лишь познавали самих себя и мир вокруг, наслаждаясь самим этим процессом. Я ещё ничего не знал про свой Путь. В то время моим самым большим увлечением была пирография, или же говоря проще выжигание по дереву. Однажды найдя в кладовке старенький набор, состоящий из выжигателя и двух насадок к нему, я впервые попробовал разукрасить дерево чёрными узорами. Правда древесина эта была дверью в родительскую спальню и поэтому я, вместо восторженных похвал, получил лишь пару тумаков. Потом меня заставили сходить в магазин стройматериалов за краской, отец убрал выжженные места, а пирограф спрятали на долгий месяц. На их вопросы, зачем так было делать, я внятно ответить не смог. Хотелось создать нечто прекрасное, однако вышло наоборот. И тем не менее тягу к прекрасному это неловкое происшествие во мне не убило, а потом я твёрдо решил попробовать ещё раз что-то создать, используя в качестве холста уже обычные деревяшки, а не предметы нашего домашнего интерьера.

Вернуть инструмент удалось только с помощью старшего брата, которому поручили приглядывать за мной, чтобы не допустить новой порчи стен или дверей. Он уболтал родителей отдать мне пирограф, пообещав контролировать процесс выжигания, а я за это отдал ему журнал с голыми девицами, найденный мною на улице. Сделка была вполне честная. Доски для выжигания брат принёс с уроков труда в школе, а потому материала для экспериментов у меня хватало с лихвой. Рисовал я конечно как курица лапой, поэтому вначале требовалось осторожно перенести желаемое изображение на дерево с помощью кальки и карандаша, а уже потом начинать выводить черные узоры пирографом.

Именно тогда я начал задумываться о карьере профессионального пирографиста. В своих мечтах я ездил по самым именитым выставкам страны и там демонстрировал свои выжженные на дереве картины. Люди выстраивались в очереди, чтобы попасть на них и лично пожать мне руку. И, конечно же, я непременно оставлял бы автографы. Но не простой шариковой ручкой, а специальным карманным пирографом, работающим от батареек. Правда, где же такой купить я не знал.

Поначалу подобное увлечение весьма напрягало моих родителей. Раскалённый металл и электричество не самые лучшие соседи в детских играх, что подтверждалось множественными ожогами на моих неуклюжих и неосторожных детских пальцах, поэтому я понимал их опасения. Но со временем это для них вошло в норму и они более не порицали подобное увлечение. Но всякий раз, когда я показывал новую работу, они лишь кивали, принимаясь за свои дела дальше, а мне хотелось чего-то большего. Уже тогда я испытывал некий голод. Мне не хватало признания своего таланта, а рядом не было человека, который мог бы меня понять и поддержать. До поры, до времени...

Мы очень мало знаем и понимаем, почему спустя годы стали совершенно другими людьми. Невидимые и неосязаемые процессы внутри нас сплетаются в единую паутину жизненного пути. И если посмотреть на него со стороны, то ты видишь, что был намертво связан с несколькими людьми, которые изменили тебя, хотя это и было совсем незаметно. Проклятие ли это? Вечное возвращение к одному и тому же человеку или событию. Не могу этого утверждать с полной уверенностью. Это нечто хрупкое и неуловимое, что проходит сквозь тебя и других, связывая вас воедино на долгие годы, даже несмотря на расстояния между вами. Именно такой была связь между мной и Инной. Мы с ней познакомились в первом классе школы, когда нас посадили за одну парту.

Она стала первым человеком, который действительно заинтересовался моим увлечением. В первый день школы классный руководитель решила, что было бы неплохой идеей попросить каждого из первоклашек представиться перед всеми и рассказать о себе. Девочка слева

от меня встала и, запинаясь, рассказала о любви к рисованию, котяткам и морю. Я посмотрел на неё и отчего-то в голову сразу взбрела мысль о том, какая она смелая. Если у неё получилось это сделать, значит, я ничем не хуже. Я был следующим кого вызвали, но я уже был готов. Я рассказал о своём главном увлечении, о рисовании по дереву, какие инструменты использую, на какой древесине выжигаю и какие именно рисунки. Мой маленький момент славы удался, все слушали меня, заинтересованно уставившись, ведь никто из здесь сидящих таким не занимался. Внимательней всех на меня смотрела соседка по парте и это было лишь началом.

– А ты, правда, умеешь рисовать на дереве? – тихонько спросила она, когда я вернулся за парту.

– Выжигать больше, рисую я не очень. Но я учусь.

– А можешь показать?

– Могу. А ты покажешь мне свои рисунки тоже?

– Конечно.

Мы улыбнулись друг другу и продолжили слушать остальных ребят, иногда всё же переглядываясь и снова улыбаясь. Больше не нужно было никаких слов, мы словно итак понимали друг друга. Моё сердце начало отбивать какой-то победный ритм. Я очень радовался, что кто-то ещё заинтересовался моим увлечением. Сдержав слово, я на следующий день принёс несколько дощечек с лучшими рисунками, а она принесла альбом.

Её рисунки были красивее моих, пестрили деталями и красками, мои же были более долговечными. Нам пришла в голову идея совместного рисования. Она делает первоначальный эскиз, перенося его на дерево, а я завершаю рисунок, выжигая его. Так со взаимного интереса, началось наше постепенное сближение. Показывая друг другу плоды наших трудов, мы сами того не понимая делились друг с другом частичками наших душ, становясь всё неразлучней. Уже тогда я, пускай бессознательно, но начал понимать, что наша встреча родила связь, которая продлится годами и не будет разорвана даже расстоянием.

В нашей совместной школьной юности было много весёлых моментов. Например, я помню, как угощал всех в классе ирисками. Инна их просто обожала, поэтому я выпросил у родителей именно такие. Однако когда она принялась разжёвывать четвертую по счёту, то резко изменилась в лице и вместе с ириской вытащила из рта осколок зуба, похоже сладость была сделана на совесть, тягучая и крепкая как дорожный гудрон или древесная смола. Правый нижний клык Инны укоротился примерно на треть, она была просто изумлена этим. Я поспешил её утешить тем, что это лишь придаст её улыбке индивидуальности и особый шарм. В итоге Инна немного расстроилась, но её любовь к ирискам с годами стала лишь крепче. Очевидно, что поговорка: «Все, что нас не убивает – делает сильнее» в этом случае сработала как надо.

Весь первый класс мы просидели за одной партой, а впоследствии наш классный руководитель предприняла попытку разлучить нас, отослав меня в конец третьего ряда. Ей хотелось распределить всех ребят, оценки которых оставляли желать лучшего, посадив их рядом с отличниками и хорошистами. А поскольку наша с Инной успеваемость была примерно одинаковой, то настал момент переезда. Тогда я впервые увидел, как Инна плачет. Крупные капли слёз катились по её щекам, оставляя мокрые следы и капая на парту. Глядя на это учительница недоумевала. Всегда спокойная и уравновешенная девочка вела себя так, будто ей нанесли глубочайшую травму. Взгляды всех учеников были сосредоточены на источнике беды, коим оказалась естественно руководитель. По-прежнему стоять на своём означало стать врагом народа и деспотичным тираном. Естественно она передумала это делать и оставила нас в покое, попросив меня отвести Инну в уборную, смыть слезы с лица.

Когда мы вышли из класса, Инна резко прекратила хныкать и, взглянув на меня покрасневшими глазами, улыбнулась. От удивления я потерял дар речи, пока она первой не нарушила молчание.

– Я и не думала, что она купится, – в её взгляде танцевали искорки веселья.

– Только подумать... Купился даже я! Подумать только, ты смогла вызвать слёзы просто потому что захотела, как тебе это удалось?

– Ты и вправду думаешь, что я смогла расстроиться лишь для виду? Такое сделать невозможно, – она посмотрела мне в глаза и я всё понял.

Инна сделала всё возможное, чтобы быть со мною рядом, пускай это могло показать её в дурном свете перед учителем и другими ребятами. В этот момент я впервые взял её за руку. Никогда до этого я так не делал, но именно сейчас почувствовал, что неистово желаю держать её за руку и никогда не отпускать.

Вдруг я увидел, что значил что-то для Инны и что она счастлива только от того, что я рядом с ней. Такое осознание само по себе звучало очень просто, но когда я вдумывался в это, то начинал понимать, как это все бесконечно важно. Это поднимало бурю в моей душе и рой невидимых бабочек в груди, совершенно преображая всю мою жизнь, словно разделяя её на «до» и «после». Это можно было назвать влюблённостью, но все-таки оно являлось чем-то другим. Чем-то таким, ради чего стоит жить. Ведь я толком и не осознавал всего значения этих чувств, лишь только их важность. Такой человек как я не мог жить ради одной лишь влюблённости или любви, особенно в столь юном возрасте. Но ради другого человека – мог и хотел.

С того момента мы продолжили сидеть за одной партой и дальше. А я всегда старался быть рядом с Инной и поддерживать её так же, как и она поддержала меня тогда. Однажды весь класс пошёл на прививку к школьной медсестре. Дело это ни у кого не вызывало восторга, пришлось спускаться на нулевой этаж школы, где ещё и было темно. В самом же медицинском кабинете стоял неприятный и пугающий запах спирта для обеззараживания ранки. Никто не был в восторге от этой процедуры, однако Инна и вовсе повела себя странно. Она встала в самый конец очереди и нервно озиралась по сторонам.

– Ты чего? – спросил я, подойдя к ней. – Всё в порядке?

– Слушай, а можно тебя кое о чём попросить? – у неё на лице появилось облегчение, когда я подошёл, вместе с тем смешанное с отчаянием. – Можешь сейчас загородить меня ото всех, а я тихонько уйду, пока никто не видит? Ненавижу уколы, мне и без них нормально, не хочу я эту прививку ставить.

На какой-то момент я даже обрадовался, что могу помочь ей, но всё-таки решил потупить по-своему. Конечно, можно было и помочь Инне сбежать, но вот её страх мы бы этим не победили.

– А давай просто вместе подойдём, – предложил я. – Я тоже терпеть не могу уколы, но если ты будешь рядом, то мне не так страшно будет. Я первый подойду, а ты рядом будешь. И я тоже рядом буду, когда тебе поставят.

– Может, всё-таки прикроешь меня? – Инна явно не была в восторге от моей идеи.

– Конечно, я могу и прикрыть, – пожал я плечами, – но ведь они наверняка отмечают, кто был в списках. И тебя потом вызовут отдельно одну. Так что лучше пойдём вместе.

Инна тяжело вздохнула, продолжая озираться по сторонам, словно выискивая кроличью нору в которую она могла нырнуть подобно Алисе из страны чудес и тем самым избежать болезненной процедуры. Но, похоже, что страх прийти сюда позже всё-таки пересилил страх настоящего.

– Ну ладно, давай вместе, только давай пойдём самыми последними, – поёживаясь, согласилась Инна.

И так мы, едва ли не держась за руки, вместе подошли к медсестре. Я первым получил укол на глазах Инны и хотя мне было до чертиков страшно, совсем не подал виду. И затем стоял рядом, когда процедуру провели самой Инне, я же при этом взял её ладошку в свою. Она вся сжалась от иголки прокалывающей кожу, но через пару секунд всё было кончено и мы, зажимая прививки проспиртованной ватой, вышли из кабинета.

Инна молчала, да и я тоже. Сегодня мы взглянули в пасть игольчатого дьявола и победили свой страх, но на это ушло немало сил. Позднее после занятий, когда мы одевались перед выходом на улицу, Инна всё же сказала мне:

– Спасибо, что не дал мне уйти, и был рядом. Если убежать, то становится только хуже. Одна бы я не справилась.

– Пожалуйста, – улыбнулся я. – Можешь на меня рассчитывать.

За партой впереди нас сидела девочка по имени Надежда. Как я понял, они с Инной были знакомы ещё с детского сада, поэтому постоянно о чём-то шептались и обменивались записками. Втроём все вместе, мы часто гуляли после школы, Надя любила помногу рассказывать о своих родителях.

Оказывается, те были геологами и много ездили по всей стране, возвращаясь домой с неперменной кучей рассказов и фотографий. Надя мечтала пойти по их стопам, но пока что и речи не могло об этом идти. Во-первых, она была слишком мала, во-вторых поездки длились по несколько месяцев, а прогуливать школу было нельзя. Так что пока Наде оставалось лишь мечтать и любоваться фотографиями от родителей, которые она при любом удобном случае показывала и нам с Инной. Одна из фотографий особенно сильно запомнилась нам своей красотой.

Там был изображён рассвет с очень красивого ракурса, какой-то возвышенности. Это было фото с одной небольшой горы, как пояснила Надя. Удивительно, но это даже было недалеко от нашего города, родители сделали фото по пути к другому месту работы. Инне настолько понравилось это фото, что она упросила Надю отдать его нам в подарок. С той поры она часто говорила о том, как хочет побывать в этом месте. Спустя некоторое время я начал понимать почему. Это должно было стать для неё отправной точкой Пути, идею которого она раскрыла мне позже.

Благодаря помощи Инны с начальными рисунками, я стал участвовать в школьных выставках и конкурсах. Мои пирографические работы становились всё лучше и, однажды, я даже выиграл второе место на областном съезде юных мастеров. Призом были грамота и коробка конфет, которую я разделил на троих с Инной и Надей. Ничего этого не было бы без поддержки Инны, она как никто другой подбадривала и верила в меня, если я сомневался в красоте и качестве своих работ.

Наши взгляды не сходились в одном пункте. Она любила кошек, а я нет. Как-то она спросила меня, почему же я так отношусь к этим зверям и я ответил, что кошки по своей натуре изменчивые и совсем не благодарные создания. В них нету ни капли преданности или послушания как у собак.

– Почему ты так решил? Разве у тебя было какое-то особенное происшествие, связанное с кошками?

– Да, было дело. Очень давно, я тогда был совсем мелким, – я махнул рукой.

– А что случилось?

– Да ничего совсем уж особенного. Старая история, которая не стоит даже упоминания.

– Может, всё-таки расскажешь?

– Это не нужно, дела давно прошедших дней не так уж и важны.

– Ты недооцениваешь прошлое, оно способно очень сильно изменить, возможно на всю жизнь.

– Не думаю. Определяют, как будешь жить лишь ты сам и настоящее.

Инна очень быстро находила контакт со всеми, умение чувствовать настроение и желания людей было каким-то внутренним стержнем её личности. Она была активна в школьной деятельности, став старостой и помогая устраивать разные мероприятия, будто в прошлой жизни только этим и занималась. Она не отказывала всем, кто просил помочь с заданиями. Пускай

её успеваемость и не была самой лучшей, но учителя отмечали её высокие старания на всех занятиях. Как будто не было ни единого предмета, который вызывал бы у неё тоску или нежелание его изучать.

Причём этот интерес распространялся и на другие области её жизни. Инна изучала самую разную научную литературу, приключенческие рассказы, очерки путешественников и трактаты философов. Поначалу я часто спрашивал её об этом удивительном рвении к разным знаниям, однако не получал ответа. Инна всегда отшучивалась или меняла тему. В глазах же её была серьезность, которая никак не вязалась с лёгким отношением к этим делам на словах. Нет, без должной причины человек не вкладывает душу, и такие усилия во все, чем занимается. Но я не настаивал и не упрашивал её рассказать. Быть может она просто хотела выделиться среди остальных ребят, которые просто плыли по течению. Стремление быть лучше всех вполне обычное явление. И лишь позже я узнал истинную правду.

Отца Инны я пару раз видел в школе, но познакомился с ним только в четвёртом классе, звали его Владислав Николаевич. О её маме мне довелось узнать значительно позднее, потому что на вопросы о ней Инна уводила разговор в другую тему. Тогда мы по решению классного руководителя вместе с Надей должны были поработать над школьной стенгазетой в честь праздника победы девятого мая. Ранее я, конечно, провожал Инну до дома, но внутрь ни разу не заходил, немного стеснялся. Оказалось, что дома у них было очень приятно находиться. Вокруг было очень чисто и опрятно. Моё внимание сразу привлекла полка в шкафчике со стеклянкой дверцей, заставленная разными наградами и грамотами.

– Это всё папины, – объяснила Инна. – Он уже больше десяти лет работает в научно-исследовательском институте. Вечно его дома нет, но зато лучший работник у них.

– Тогда понятно в кого ты пошла, – улыбнулся я.

В тот день он вернулся с работы очень рано и был весьма удивлён наличию гостей. Удивлён и обрадован.

– Ух ты, это что тут за собрание юных трудолюбов? – улыбнулся он, зайдя в комнату, а затем его взгляд остановился на мне.

– Твоих родителей зовут Александр и Марина, так ведь?

– Да, а откуда вы знаете? – слегка растерялся я.

– Элементарно, мы с твоим отцом вместе работаем. Я тебя видел с ними на одном школьном собрании. Мир тесен, правда?

– Вот это да, а я подумал, что вы просто угадали. Инна столько рассказывала о ваших наградах на работе.

– Ну, значит, у меня вышло стать не только неплохим инженером, но и хорошим отцом. Этой ночью сплю спокойно, – он подмигнул Инне. – Держите, кстати, для работы мозгов, – он покопался в пакете и насыпал каждому горсть ирисок, а затем ушёл на кухню.

– Прикольный у тебя папа, – Надя сразу начала набивать рот конфетами.

– Я знаю, – усмехнулась Инна. – Давайте дальше работать, а то к вечеру не успеем ничего.

Работа предстояла не из лёгких. На огромном листе ватмана нужно было нарисовать танк, двух солдат и задний фон, предположительно состоящий из дыма и салюта победы. Материала для черновика у нас не было, поэтому требовалось работать медленно и осторожно. Пока девочки вырисовывали контуры объектов, я потихоньку раскрашивал задник. Спустя несколько часов к нам заглянул Владислав и предложил перекусить бутербродами. Надя очень устала и хотела перенести оставшуюся часть работы на завтра, но я возразил.

– Если сделаем так, то у нас не будет времени исправить недочёты, когда сдадим готовую стенгазету классному руководителю. У нас итак всего день до презентации остался.

– Практикуешь стратегическое мышление? – подколот меня Владислав.

– Нет, что вы. Просто не люблю оставлять работу незаконченной.

– А вот это полезное качество характера. Но решать, конечно же, вам, я просто ещё раз предлагаю не работать на пустой желудок.

Посоветовавшись за перекусом, мы решили закончить работу сегодня. Я и Надя позвонили родителям, предупредив их, что задержимся в гостях у Инны и продолжили рисовать. Стенгазету удалось доделать часам к восьми и уже на следующий день мы отдали её руководителю выставки. Переделывать ничего не пришлось, Надя сразу поспешила меня поддеть за излишнее вчерашнее рвение. Но я всё равно был рад, что вместе мы смогли за столь короткий срок сделать недельное задание.

Далеко не сразу, но я обратил внимание на одну интересную особенность. Инна всегда куда-то пропадала на свой день рождения, пропуская три-четыре дня именно в этот период. Это было летом и я не находил её в привычных местах наших встреч, а по телефону никто не отвечал. В первый раз я ничего не подумал, во второй раз тоже, но на третий меня посетила мысль, что это не простое совпадение. Когда я спросил у Инны, то она лишь отшутилась, что немного приболела, а мои подозрения слишком надуманы. Не желая успокаиваться таким ответом, я незамедлительно отправился ко второму человеку, которому можно было доверять после Инны.

– Надя, свободна? Нужно поговорить, – я подошёл к ней на перемене и позвал подальше ото всех, чтобы нас не слышали. – Ты знаешь, почему Инна всегда отсутствует в школе на свой день рождения?

– Ну, она порою болеет. Особенно в это время года, да. Ты вот зимой простужаешься, а она чаще осенью, мне родители сказали, что это из-за авитаминоза.

– Неправда это, ну не в один и тот же день каждый год? Надя, ты ведь её знаешь с детского сада, тебе наверняка известно больше. Зачем вам это от меня скрывать, мы же о столько общаемся, а сейчас вдруг что-то утаиваем. Я ведь не чужой для вас человек, неужели я не заслужил доверия?

Глаза Нади недовольно забегали, однако после недолгих уговоров она таки сдалась.

– Хорошо, но только никому ни слова. Это связано с тем, что девочки и мальчики очень разные. У девочек порою бывают, ну как бы их назвать, критические дни.

– Критические, это как? Они особенно важные что ли?

– Можно и так сказать. В эти дни нам очень больно и неприятно во всём теле и мы порою даже никуда не ходим. Обычно они случаются в разное время года, но у Инны в одно и тоже, то есть в её день рождения. Поэтому она и остаётся дома.

– Я и подумать не мог, что всё так серьёзно. Но почему она мне сразу не сказала?

– А ты сам подумай. Она ведь так слаба и незащищена в этот момент. Хотел бы ты, чтобы люди смотрели на тебя когда болеешь и ужасно себя чувствуешь? Не думаю, а вот Инна ещё и терпеть не может быть уязвимой.

Я поблагодарил Надю за честность и отошёл в сторону, чтобы всё обдумать. Теперь картина представала в ином свете, виною всему были девчачьи критические дни, о которых я вообще ничего не знал. В голове постепенно начал зреть план...

Так целый год я провёл время в ожидании следующего дня рождения Инны. Я был полон решимости в этот день прийти к ней и постараться поддержать как смогу. Чёткого плана в голове не было, но зато имелась решимость осуществить задуманное. Я отчётливо понимал, что сунувшись в личное пространство, могу очень обидеть её, но поступить иначе уже не мог.

В нужный день я подошёл к родителям, сидящим на кухне перед телевизором за просмотром новостей, и обратился к ним с небольшой просьбой:

– Мама, папа, можно попросить у вас денег? Хочу подарить цветы одной школьной подружке, у неё завтра день рождения.

– Ух ты, а тебе ещё не рано цветами девочек закидывать? – усмехнулся отец.

– Ну, хоть кто-то в нашей семье ещё помнит, как надо делать женщинам приятно, – вздохнула мама.

– Это на что намёк? – повел бровями отец.

– Я уж и забыла, когда в последний раз получала от тебя букет. Ты, небось, и не помнишь мои любимые цветы.

– Что значит забыла? Да ведь совсем недавно дарил.

– Когда?

– Э-э-м... недавно. В этом году точно дарил.

– Ну, ну. И какие же я люблю?

– Ну эти, как их там, розы кремовые.

– Так значит, расписание футбольных матчей мы помним на год вперёд, – недовольно протянула мама, – а мои любимые цветы, разумеется, из памяти выскользнули?

– Ой, ладно, потом это обсудим, – папа решил просто оборвать неприятный ему разговор и обратился ко мне. – Пойдём, дам тебе денег на цветы.

Под осуждающим взглядом мамы, мы покинули кухню, и подошли к комоду с отцовским кошельком.

– Так, на держи, это для твоей девчонки, – отец отсчитал нужное количество купюр. – А вот эти, – он протянул ещё денег и перешёл на шёпот, – на эти купишь маме цветов на обратной дороге и как вернешься домой, то спрячь их в прихожей за куртками и мне маякни, понял?

– Понял. А какие купить маме? Розы кремовые?

– Ой, да какие-нибудь, – отмахнулся папа. – Покрасивее, посвежее короче. Главное не светись с ними как вернешься, а сразу мне передай, понял?

– Понял, спасибо за деньги, па.

– Ага, давай дуй и не задерживайся.

Мой папа был забывчивым человеком, когда дело касалось любимых маминых вещей или знаменательных дат, но зато он умел очень быстро решать проблемы по мере их поступления. Причем далеко не всегда предпочитал делать это своими руками.

На следующий день я зашёл в цветочный ларек, выбрал букет получше и направился к дому Инны. Сказать, что я боялся, это ничего не сказать. Инна могла в сердцах послать к черту на куличики за излишнюю назойливость. Но что-то внутри двигало вперёд, заставляло делать шаг за шагом, несмотря на лёгкую дрожь в коленях. Это было удивительное чувство самостоятельного решения и принятия полной ответственности за него. Пан или пропал, ведь отступление всегда ощущается на душе гораздо болезненнее, чем тяжёлая победа или поражение.

Подойдя к её подъезду, я решил ненадолго остановиться и чуть-чуть отдышаться, чтобы набраться смелости. План был не идеален, ведь я так и не придумал, что такого сказать. «Привет, я тут мимо проходил, вот и заглянул на огонёк» или «Ну нехорошо же справлять день рождения в одиночестве». Нужно было что-то простое и вместе с тем не очень наивное, иначе мою ложь быстро раскусят. И тут я услышал звук шагов, который моментально оборвал умственную деятельность. Я нырнул за дверь и затаил дыхание. Впереди меня из подъезда вышла Инна, не заметив мою фигуру, притаившуюся в паре шагов за открытой дверью. Она, не оглядываясь по сторонам, пошла в неизвестном мне направлении очень быстрым шагом. Шагом, который вовсе не соответствовал моим представлениям о человеке, корчащимся в болевых спазмах и муках. В очередной раз, обругав себя за недоработку плана, я двинулся следом, сохраняя дистанцию, будто чуя нутром, что не стоит сейчас выдавать своего присутствия.

Инна же уверенным шагом шла в одном ей известном направлении и совсем не оглядывалась по сторонам, похоже, находясь в глубоких раздумьях. Когда мы прошли мимо ближайшей автобусной остановки я испугался, что сейчас она сядет на автобус и укатит в неизвестном

направлении, но вместо этого Инна зашла в киоск, находящийся при остановке и вышла оттуда с разноцветным букетом самых разных цветов. Я выглядывал из-за угла и недоумевал. Быть может, она купила их для себя или же у кого-то тоже сегодня праздник. Но останавливаться и спрашивать было поздно, оставалось только также идти следом, не привлекая к себе внимания. Путь наш пролегал к окраине города, так как многоэтажки частными одноэтажными и двухэтажными домами, и постепенно я начал понимать, куда мы идём. Это было кладбище.

У входа в него я очень сильно отстал от Инны и, всего на несколько мгновений упустив из виду, тут же потерял. Но было очевидно, что она вошла в ворота кладбища и я устремился следом. Сердце бешено колотилось, я пребывал в совершенной растерянности. Неужели кто-то умер или у неё встреча с кем-то в таком странном месте. А может она всё-таки просто срезала дорогу и направляется куда-то дальше. Здесь было удивительно тихо и я стал шагать очень медленно, силясь услышать хоть какой-то звук её шагов, чтобы снова отыскать Инну. В конце концов, мне это удалось, Инна стояла спиной ко мне у одинокой могилы с небольшим черным обелиском, купленные ранее цветы лежали на земле рядом. Я тихо подошёл сзади и позвал её по имени. Инна вздрогнула и повернулась.

– Что ты здесь делаешь? Ты меня напугал, – её удивлению не было предела.

– Хотел сделать сюрприз на день рождения. Отчасти получилось.

– Ты что следил за мной?

– Прости, поначалу это показалось хорошей идеей, сейчас уже не очень. Я вообще-то хотел просто в гости заглянуть, но увидел, что ты куда-то идёшь и пошёл следом. Хотел тебе сюрприз сделать на день рождения, – я показал букет, зажатый в руках. – Ты не станешь сильно сердиться?

– Ладно, – вздохнула она, – Всё равно рано или поздно ты бы узнал. Однажды нужно было бы познакомить тебя с ней.

– С кем познакомить? – не понял я.

– С ней, – Инна показала на могилу. – Это мама.

Я подошёл ближе и прочитал надпись на обелиске. Выходит, ей было всего двадцать два года, когда родилась Инна. Даже пожить толком не успела.

– Она умерла, когда ты родилась?

– Да. Первый день моей жизни стал последним для неё, она не пережила роды.

– Мне жаль. Извини, что я ворвался в такой момент, мне правда хотелось сделать тебе приятный сюрприз, – я готов был под землю провалиться от стыда. – Если хочешь, то я могу уйти.

– Да нет, всё в порядке, можешь остаться. Но как ты вообще тут оказался и почему решил последовать за мной? Я видела, как ты шептался с Надей. Признавайся, что она тебе сказала?

– Сказала, что у тебя критические дни в этом месяце. И что ты никуда не ходишь от сильной боли, – лицо Инны перекошена странная гримаса. – Не злись на неё, она ведь хотела как лучше.

– Я и не злюсь, – Инна растерянно улыбнулась. – Просто... Критические дни, нашла же что придумать. Ты хотя бы знаешь, что это такое?

– Ну, в общих чертах да. Это когда больно и никуда не хочется ходить. Прямо как если ногу подвернул.

– Да, над некоторыми областями твоих знаний придётся поработать. Но позже, – она задумчиво посмотрела на обелиск. – Мне о них папа рассказал. Сказал когда начнутся примерно и чего ждать, первые прокладки мне купил. Он вообще много чего мне рассказал и многим помог. А должна была это всё сделать мама. Но ей уже ничего не получится сделать и папа больше не увидится с ней. Потому что она умерла из-за меня. Ей говорили, что опасно рожать, но она всё равно не согласилась убить меня, пока могла. И в итоге умерла сама, – Инна спрятала лицо в ладонях и горько заплакала, больше ничего не говоря.

А я стоял рядом и не понимал, что делать. В тот момент я всё-таки немного жалел, что пошёл за ней. Платой за любопытство были новые откровения и знания, но теперь с ними предстояло жить и что-то решать, а это вовсе не было наградой. Тогда я вновь принял первое пришедшее в голову решение. Дождавшись пока Инна успокоится, я спросил её.

– Я хотел подарить тебе эти цветы, – показал я букет в своих руках. – Думал тебя хоть немного порадовать. Но раз мы оказались здесь и сейчас в таких странных обстоятельствах, то можно я оставлю их для неё? – указал я на могилу.

Инна подняла на меня заплаканные глаза и долго смотрела, не говоря ни слова. А затем лишь коротко кивнула. Я положил букет куда нужно и вместе мы пошли обратно до её дома. Каждый думал о чем-то своём, лично я размышлял о том, как много не знал об Инне, хотя и общался с ней уже не первый год. Я проводил её до подъезда, мы попрощались и я уже собрался уходить, но Инна мягко взяла меня за руку.

– Пстой, я бы хотела кое-что сделать. Закроешь глаза?

Я кивнул, осознавая важность этого момента для неё, и закрыл глаза. Что-то мягкое нежно коснулось моих губ и недолго задержалось на них. От неожиданности я открыл глаза, её лицо было в миллиметрах от моего, я видел её веснушки и родинки, её влажные ресницы и чувствовал её дыхание кожей своего лица. Мир вокруг нас остановился и само время застыло. Мгновение превратилось в целую жизнь, наполненную нежностью прикосновения и бесконечной трансформацией чувств и переживаний. Это был совершенно непередаваемый прекрасный и новый опыт, которого я ранее никогда не испытывал. Поцеловав меня, Инна отошла на шаг назад и потупила взгляд, похоже ей было немного неловко от этой ситуации.

– Ты мне очень дорог. Прости, что не говорила ничего раньше, – нарушила она молчание.

– Прости, что не пришёл раньше, – я погладил её по щеке.

Она развернулась и ушла, оставив меня одного с целым ворохом мыслей и чувств, о том, что ничего уже не будет как прежде. Я так боялся, что сегодня нарушил какую-то границу и наши хорошие отношения безвозвратно утрачены из-за моего упрямства и любопытства. Но всего одним своим действием Инна развеяла все мои страхи и опасения. И это было прекрасное ощущение.

На обратном пути я купил цветы маме и спрятал их в прихожей. Она очень обрадовалась, когда отец вдруг буквально из ниоткуда вытащил букет и подарил его, встав перед ней на колени. Чудеса случаются, но похоже за ними всегда стоит чьё-то решение и поступок. Поцелуй Инны был чудесен, но без моих решений и действий, его бы не было.

– Скажи, – спросила она меня, – ты веришь в то, что не мы сами определяем нашу судьбу, а вереница случаев и событий? Они происходят совершенно случайно, но изменяют нас, сделав такими, какие мы есть теперь.

Я не сразу ответил ей, потому что до сих пор ни разу не смотрел на свою жизнь с такой точки зрения. И всё же было в этой теории нечто разумное и непоколебимое, хотя отчасти она перечила моей идее контроля. Впрочем нет, скорее не перечила, а дополняла её новыми красками.

– Я верю в это. Но также я уверен, что ситуации и события меняют нас не сами по себе. Совсем другое дело то, как мыотреагируем и поступим, после произошедшего. Человек изначально подобен чистой полоске древесины, ну или белому холсту, как тебе удобней. Со временем начинают появляться первые линии изменений и нужно следить за ними. Иначе они пойдут не в том направлении или же превратятся в трещины. А ты видела, чтобы хоть одному из великих мыслителей или деятелей ставили памятник в виде обугленного и неотёсанного полена? Нет, такого просто не может быть.

– Ты всегда переводишь серьёзные темы на пирографию? – рассмеялась она.

– Нет, просто ближайшее сравнение, пришедшее в голову.

– Между прочим, возможно, до нашей эры памятник великим вождям племени вполне мог быть и обугленным поленом. С чего то же надо было начинать.

– Точно, в таком случае беру свои слова назад. Полено тоже неплохо, лишь бы обожжённое до нужной степени.

– Рада, что хоть и так топорно, но всё же отвечаешь честно и не переводишь тему.

– Не люблю уходить от серьёзных тем. Если их просто так оставлять, то потом может быть поздно или во сто крат хуже.

– Ты говоришь правильные вещи. Я очень боялась, что ты не воспримешь мой вопрос всерьёз или странно подумаешь обо мне после него.

– Разве я когда то думал о тебе плохо или осуждал за что-либо?

– Нет. И тем горестней и обидней было бы мне, если в самый нужный момент ты отреагировал бы именно так. Но теперь я понимаю, что могу рассказать тебе свою тайну. Я не просто так заостряю внимание на предметах в школе, книгах и всяких увлечениях. Я пытаюсь отыскать кое-что. Давным-давно я прочитала одну книгу и в ней увидела нечто важное для себя. Проживая день за днём мы должны понимать, что окружающая нас действительность это не просто данность. Это задел под нечто большее. Я назвала это Путь. То, что мы должны отыскать сами и исследовать это. С тех самых пор я ищу свой Путь, то самое направление, в котором я и должна пойти. И ты, и я, и все остальные. Мы должны отыскать Путь и пройти его, иначе проживём жизнь зря.

– Этот Путь... Он должен оставить после тебя нечто материальное? – я несколько насто-рожился от её слов, Инна говорила непонятные для меня вещи.

– Не обязательно. Самое главное это раскрытие твоих внутренних талантов. Потому что у каждого они свои и двух одинаковых Путей быть не может.

– Ты дашь мне прочитать эту книгу?

– Я надеялась, что ты это скажешь, – Инна расплылась в улыбке.

Мы не знали, ни кто был автором этой повести, ни даже её названия. Пожелтевшие от времени страницы без обложки, Инна нашла в чулане, когда наводила там порядок. Чудо что они хотя бы были скреплены друг с другом и не рассыпались в руках. История брала своё начало на острове далёком от следов цивилизации.

Сама книга была о семнадцатилетнем мальчишке, намеревающегося бежать с острова, на котором он жил с родителями, в небольшом рыбацком селении. Всего их в семье было семеро человек, он сам, мать, отец, и ещё четверо братьев. С утра до вечера все постоянно были заняты работой. Нельзя сказать, что они жили в ужасной нищете, но и свободного времени почти не было. Казалось бы, в таких условиях невозможно возникнуть мыслям о чём-то другом кроме необходимости исполнять дела по дому и хозяйству. Но в этом и была особенность главного героя. С возраста десяти лет он начал задумываться о том, что же лежит за пределами их острова и эти мысли становились всё навязчивей.

Мальчик понимал, что родные совсем не одобряют его помыслов, поскольку чтобы выжить в суровых условиях, нужно только трудиться и ничего больше, поэтому он лишь молчал и исполнял то, что от него требовали. Крохи свободного времени он тратил на то чтобы изучить остров и пытался рассмотреть, что же находится за водной гладью, там дальше, где должна быть Большая Земля, как он называл материк, с которого порою приходили корабли с торговыми материалами. Ему и самому было совестно от этих мыслей, но против самого себя не пойдёшь, иначе жизнь будет прожита зря, так он считал.

В конце концов, преодолев свои страхи и неуверенность в себе, к семнадцати годам он построил лодку и, сев в неё, последний раз бросил взгляд на родной остров. Вокруг был лишь шум вол, крики чаек и бесконечное пространство воды впереди. На этом книга заканчивалась. Она привлекла меня тем, что основное внимание там уделялось не окружению и событиям, а самому ходу мыслей главного героя. Даже самый неискушённый и невнимательный читатель

погружался в них с головой, настолько легким и затягивающим языком она была написана. Всё то время пока я читал, Инна сидела рядом и безмолвно наблюдала.

– Ну как? Что думаешь? – её глаза, не отрываясь, смотрели на меня.

– Будто бы про самого себя прочитал, – честно ответил я, по коже пробежали мурашки от осознания собственных мыслей. – Удивительное ощущение, но я словно знал этого мальчишку уже давным-давно из какой-то прошлой жизни.

– И у меня возникло такое же. Теперь понимаешь, почему я так внимательно отношусь ко всему происходящему вокруг? Эта история правда прекрасна. Но её главный герой так и не смог понять, чего же он действительно хочет и поэтому просто ушел навстречу неизвестности. Я же ищу направление для Пути. Моего Пути.

Через некоторое время на мой день рождения Инна подарила мне причудливый подарок, но я сразу понял, к чему она клонит. Это был небольшой компас, с позолоченной оправой и черной стрелочкой, указывающей на север. Кончик стрелочки был красным, ярко выделяясь на белом фоне самого кругляша компаса с обозначением других сторон света.

– Хочу, чтобы он всегда направлял тебя, – сказала тогда Инна. – Даже если тебе будет казаться, что идти некуда, даже если ты потеряешь направление, пусть он помогает тебе.

Я запомнил её слова.

На следующий год я снова сопровождал Инну на кладбище. В этот раз с нами был и Владислав, её день рождения выпадал на выходной день. За день до нашей встречи я сам предложил вновь пойти туда вместе и как ни странно она без промедлений согласилась. О присутствии отца она меня предупредила, так что я не был удивлён. По пути мы зашли в тот же цветочный магазин, где покупала цветы Инна в прошлом году и я немного смутился. Надо же было не подумать о таком и не купить хотя бы пару роз заранее, да и денег у отца не попросил.

Как бы там ни было, скоро мы оказались на месте, немного пробыли там, убрав с могилы всякий мусор, оставили свежих цветов и отправились назад. По дороге Владислав спросил, чем я занимаюсь на досуге и я с удовольствием рассказал о своём увлечении пирографией, а также о том, как Инна помогает мне с этим.

– Не перехваливай меня, – толкнула она меня локтем в бок. – Я лишь делаю первоначальный эскиз, а остальной шедевр создаёшь именно ты.

– А вы здорово сработались, – усмехнулся Владислав, глядя на то, как мы препираемся. – Рад за вас.

– Зайдёшь к нам сегодня? – предложила Инна. Я был не против.

Когда мы были в прихожей, то она вдруг вспомнила, что забыла зайти в магазин. Я собрался было пойти с ней, но Инна остановила меня.

– Ты уже разулся, устраивайся давай где-нибудь, я мигом, – и тут же выпорхнула обратно на улицу.

Дверь захлопнулась и я остался наедине с её отцом. Уж не специально ли она так поступила, чтобы дать нам поболтать тет-а-тет. Стоило бы спросить об этом позже, а пока что могла сложиться весьма неловкая ситуация. Благо у меня в голове возникла идея, как избежать громкого молчания.

– А кем вы работаете? – поинтересовался я. – Инна мне так и не рассказала.

– Правда? Вот удружила дочурка. Я инженер в научно-исследовательском институте авиационной техники. Не смотри так, – он усмехнулся глядя на мои округлившиеся глаза. – На деле эта профессия гораздо более прозаичная, чем звучит. Пойдём-ка, лучше покажу кое-что. Проще один раз увидеть, чем сто раз услышать, да и тебе наверняка понравится.

Я проследовал за ним в его кабинет и он, открыв пластиковый тубус, извлёк оттуда большой лист ватмана.

– Вот, гляди, – он расположил лист на столе и полностью развернул его, показав мне рисунок, – это чертёж турбины грузового самолёта. Разработано нашим конструкторским бюро, перенесено на бумагу лично мной.

– Поразительно, – я вглядывался в каждый сантиметр бумаги. – И всё это нарисовано от руки.

– По большей части да, не без помощи линеек и циркуля, разумеется, – довольно кивнул он.

– Неудивительно, что Инна тоже так здорово рисует, вот от кого у неё такое мастерство. До встречи с ней у меня никогда не получалось создавать действительно хорошие рисунки, линии постоянно выходили кривыми, а округлости непропорциональными.

– Всё было настолько плохо?

– Ещё бы, у меня под кроватью раньше было целое кладбище испорченных дощечек, которые я хотел переделать. Линии и округлости выходили невероятно кривыми. В конце концов, я всё же просто выкинул их, слишком тяжело было смотреть на эти более ранние и незавершённые работы.

– Думаю, я представляю, в чём дело. Попробуй вытянуть перед собой руку и сделай так, чтобы ладонь не тряслась.

Я сделал это, но унять дрожь так и не удалось, как бы я не сосредотачивался.

– Не выходит, получается дело в моих руках? Так и знал, что они кривые, – огорченно вздохнул я.

– Нет, дело в другом. Ты сейчас весь ушёл в мысль о том, что рука не должна трястись, это заняло весь твой разум. А как ты избавишься от того, что полностью захватило тебя изнутри? Естественным образом, ты можешь только вытеснить это чем-то другим. Так и во время рисования, выжигания и любого другого дела о качестве которого, ты начинаешь запариваться. Не думай о том, что некоторые детали могут выйти не так, старайся держать в голове цельную картину и не расстраивайся слишком сильно из-за отдельных её элементов.

– Это звучит как-то странно. Выходит, я должен начать работать хуже, чтобы вышло лучше? – нахмурился я. – Но ведь весь смысл любимого дела это постоянно совершенствоваться в нём.

– Нет, смысл любимого дела это получение от него удовольствия. И нет, ты не должен начать работать хуже, ты должен научиться контролировать себя лучше. Негативные мысли и постоянная самокритика – вот что действительно мешает тебе работать, а не кривые руки. Ты не можешь держать под контролем какие-то внешние факторы, наподобие внезапной болезни или новых появившихся дел, но ты можешь и обязан контролировать самого себя. Не сдаваться, постоянно учиться, в том числе и на неудачах, а также верить в себя, это самое главное. Причём во всей жизни, а не только в любимом деле.

Я немного опешил после его слов, ведь мысли подобного рода никогда не приходили мне в голову. Я вспомнил, что начав с мелочных зарисовок, всё время стремился улучшать качество своей работы. Брался за очень сложные задания и упорно доводил их до конца, крайне негодуя, если результат не соответствовал моим ожиданиям. Порою эти чувства даже отбивали охоту работать совсем. Всё изменилось, когда в моей жизни появилась Инна. Я стал работать с удвоенной силой, чтобы впечатлить её, а потом она стала помогать мне с начальными эскизами и всё пошло ещё лучше. Но я по-прежнему продолжал искать изъяны в каждом своём творении и часто откладывал его в тёмный угол, стыдясь показывать результаты работы Инне.

– Ты сейчас возможно подумал, зачем же я грузу твой мозг такими вещами, – прервал моё молчание Владислав. – Просто я видел некоторые из твоих работ, которые ты дарил Инне. У тебя есть талант и негоже гробить его понапрасну, ведь согласишься, что почти каждая твоя речь про хобби начинается со слов, что ты пока не слишком хорош в этом. В первую очередь

поверить в себя должен ты сам, а не кто-то другой. Да и человек ты вроде неплохой, с Инной очень поладил, хотя мне и не верилось, что она кроме Нади с кем-то общаться начнёт.

– Разве она замкнутый человек? – удивился я. – Она очень здорово нашла общий язык со всем нашим классом.

– Была когда-то необщительной, ещё до школы. Полагаю это из-за смерти мамы, зря я рассказал ей, что она именно во время родов умерла. Инна начала винить себя в этой смерти, и первое время постоянно была сама в себе. Потом в детском саду немного сблизилась с Надеждой, а затем в школе встретила тебя, тут то я и увидел первые изменения. Началось с малого, а потом она уже всю рассказывала о школе и новых друзьях. О тебе по большей части, особенно мне запомнилась та история, где она закатила истерику, чтобы вас не рассаживали.

– Да уж, ей даже меня удалось провести, это было что-то, – усмехнулся я. – А можно вопрос?

– Конечно, задавай.

– А вот эти выводы про подлинный самоконтроль, когда они к вам пришли?

– После смерти Марии, пожалуй. Не сразу, но постепенно я понял, что нельзя опускать руки. У меня была маленькая дочь, которую нужно было оберегать и учить жить, поэтому я стал больше следить за самим собой.

– Простите, – я немного смутился. – Это наверняка было и остаётся столь печальным событием в вашей жизни, а я поднимаю эту тему вновь и вновь.

– Не переживай. Что случилось, то случилось и давно прошло, твоей вины тут нет.

– А, правда, что у вас было очень много наград?

– А то, – он показал на застеклённый шкаф с грамотами. – За выслугу лет, за добросовестную работу, за вклад в науку. А знаешь, какая награда самая большая и лучшая?

– Какая? – я весь обратился в слух и расслышал, как скрипит открываемая дверь.

– А вон, та, которая дверь открыла и вернулась из магазина, – улыбнулся он. – Пойдём чай пить.

Когда я вернулся от них домой вечером, то первым делом достал свои старые работы и посмотрел на них. Ранее они вызывали у меня лишь стыд и желание запрятать куда подальше, но теперь я понял, что без них не было бы и новых. Более красивых, больших и качественных. Владислав пробудил во мне ту гордость за первые работы, когда я даже и не задумывался об их качестве, а просто водил пирографом по дереву.

Владислав показал мне, насколько важен самоконтроль в любом деле и начинании, нужно держать себя в руках, не позволяя эмоциям и сомнениям сбивать с пути. Впоследствии я ещё не раз говорил с ним об этом и он рассказывал мне, как сам учился быть спокойным, несмотря ни на что, держа в голове свои конечные цели и взгляды. Также он показал мне техники более правильного черчения, которые очень помогли мне в выжигании, сделав мои картины более законченными, теперь на переделки и правки уходило гораздо больше времени. Всякий раз когда я приходил к Инне, то старался дождаться вечера, пока придёт Владислав, чтобы засыпать его очередной кучей вопросов.

С удивлением я обнаружил, что Инна даже стала немного ревновать к своему отцу.

– Что-то я не поняла, – как-то шутливо нахмурилась она. – Ты вообще ко мне в гости приходишь или к моему отцу?

– К вам обоим, полагаю, – улыбнулся я.

– Нет, нет, не увливай, ты прекрасно понял, что я имею в виду, – ухватила она меня за рукав. – У меня возникает такое чувство, что ты общения с папой ждёшь больше, чем общения со мной.

– Да ну брось, – рассмеялся я. – Да, он замечательный человек, но лучше тебя ему не стать. Ты показала мне Путь, ты помогла мне с моим главным увлечением, ты для меня

самый важный человек в жизни. А Владислав не только помог это осознать, но ещё и научил кое-каким тонкостям. Так что не думай, что я напрашиваюсь в гости лишь ради общения с ним.

– Ну, смотрите мне, – озорно прищурилась Инна. – А то вечно бросят меня и какие-то мужские посиделки устраивают по вечерам.

Тихо и незаметно подошла к концу наша совместная школьная пора. Настало время выбирать высшее учебное заведение, в которое нужно было поступать. Я собирался послушать родителей и подать документы в главный университет нашего города, специализирующийся на самых разных направлениях, однако Инна предложила идею поступить всем вместе в институт экономики и права.

Он был небольшой, но находился гораздо ближе и в нём также были бюджетные места. Поначалу я отнёсся к этой идее скептически, поскольку гораздо лучше ладил с вычислительными науками, чем с гуманитарно-правовыми, но пораскинув мозгами, решил, что экономисты и бухгалтеры тоже должны уметь хорошо считать. Этот же довод сработал и на родителей, поэтому уже через три дня после выпускного я, Инна и Надежда отнесли документы в приёмную комиссию, узнали точные даты вступительных экзаменов и отправились немного погулять в городской парк. Надя вскоре отправилась домой и мы с Инной остались вдвоём.

– Просто диву тебе даюсь. Ты не только нашла замечательное учебное заведение, но ещё и узнала заранее, какие там будут вступительные экзамены вместе с вопросами и заданиями, – восхищался я ею.

Мы присели на лавочке, напротив городского пруда. Стояла чудесная погодка с небольшой облачностью, водную гладь у берега неторопливо рассекали утки, ждущие очередной подачки. Обычно в это время их всегда подкармливали хлебными крошками, в том числе и мы с Инной. Я поглаживал мягкие черные волосы Инны и любовался тому, как они отливают на солнце сине-фиолетовым оттенком. Порою Инна пекла что-то сладкое и потом от её волос несколько дней могло пахнуть этой сладкой выпечкой, сегодня был именно такой день. Она слегка улыбнулась с закрытыми глазами, пристроив голову на моём плече.

– Просто девочки всегда взрослеют и умнеют гораздо быстрее мальчиков. Да и у взрослых мужчин вплоть до тридцати лет мысли могут быть только о войнушках и бесконечном самоутверждении.

– В самом деле? – недоверчиво хмыкнул я. – И откуда же у тебя такие сведения?

– Папа мне сказал.

– Ах вот оно как. Если это действительно был он, то опровергать данное утверждение не стану. Однако как он посмел выдать наш самый главный мужской секрет, надо будет пристыдить его позже, – последнюю фразу я произнёс загадочным шёпотом.

– А ты даже не попытался обидеться или поспорить на эту тему. Ну, ничем тебя не поддеть – шутиливо надула губы Инна.

– Не имею такой дурной привычки как споры с тобой.

– Значит, просто втихомолку делаешь всё по своему, если что-то не нравится?

– Абсолютно верно, – утвердительно кивнул я.

– Знаешь, а мы ведь и вправду не ссорились и не ругались за все эти годы. Я могу вспомнить всего несколько раз, когда нам не удавалось найти общий язык.

– Не расстраивайся, целая жизнь впереди. Ещё успеем, – вставил я.

– Особенно это касается кошек. Ты всё ещё их не любишь? – Инна спросила меня об этом, поскольку мимо как раз вальяжно прошлось одно представителей кошачьих.

– Нет. Омерзительные создания, – скривился я.

– А я до сих пор не могу понять, почему ты так считаешь. Откуда такая нелюбовь к ним?

– Это неблагодарные и своенравные существа, от них нету никакой пользы. Кошки способны только портить предметы в твоём доме и мешать спать по ночам.

– А как же ловля мышей? – не сдавалась Инна.

– В городских квартирах нету мышей. А в деревнях и сёлах кошки почти не бывают дома и не наносят особого вреда имуществу.

– Всё равно не понимаю, как можно не любить этих питомцев. Почему ты так к ним относишься?

– Я ведь только что назвал причины, – вздохнул я. – И уже не в первый раз объясняю свою точку зрения. Ты спрашивала это и год назад, и два...

– Но должно же быть что-то ещё из прошлого, о чём ты умалчиваешь. Некая история или случай положивший начало этой трагической неприязни. И ты до сих пор не раскрыл мне эту тайну.

– Потому что это было много лет назад и сейчас вообще не имеет значения. Давняя и глупая история. Настолько незначительная, что не стоит даже упоминания.

– Значит и сейчас не хочешь рассказывать?

– Нет, не горю желанием.

– Ну и ладно. Потом всё равно узнаю.

– Я не понимаю, зачем тебе это. Такая же мелочь по сути, всего лишь небольшая неприязнь, которая у каждого своя да имеется.

– Потому что ты для меня очень важен, – очень серьёзно ответила Инна. – И любая мелочь, связанная с тобой, тоже важна.

– Почему вы до сих пор не завели себе кошку, если ты их так любишь? – мне стало немного неловко от её слов, и я перевёл разговор в другое русло.

– У папы на них аллергия, – огорчённо вздохнула Инна, – а ты и вовсе терпеть их не можешь. Одна Надя меня понимает в этом.

– Может лысую кошку заведёте? – брякнул я первое пришедшее в голову.

– Ага, конечно. Да у меня от одного взгляда на них возникает желание вызвать экзорциста, – расхохоталась Инна.

Кап. Я ощутил, что-то мокрое на своей руке, которой обнимал Инну. Асфальт вокруг нас начал покрываться мелкими тёмными точками. Я взглянул назад и увидел, что, пока мы болтали, из-за горизонта начали выплывать массивные серые тучи, постепенно закрывая солнце.

– Вот невезение, – удивился я своей невнимательности. – Полагаю, у тебя тоже зонтика нет?

– Откуда ему взяться, – пожала плечами Инна, – небо же с утра совсем чистым было.

– Значит, нам нужно поторапливаться, – сказал я, вставая со скамейки и протягивая Инне руку. – Сомневаюсь, что деревья в парке послужат хорошим укрытием.

– Да ну брось, – никуда не торопилась она. – Он ведь совсем мелкий, сейчас поморосит и перестанет...

Остаток её реплики утонул в оглушительном раскате грома, который заставил нас обоих слегка вздрогнуть. Сама природа, кажется, была настроена против легкомысленного отношения к ней. Окрас облаков виднеющихся вдаль сменялся с белого на тёмно-свинцовый. Мы с ней были одеты довольно легко, я в футболку и шорты, а Инна в блузку с джинсами, к тому же на ногах были простые сандалии.

– А вот с этим уже не поспоришь, – скривилась Инна. – Давай пойдём ко мне, поближе будет. Сможешь переждать ливень, а потом пойдёшь домой, как закончится.

Я кивнул, и мы быстрым шагом двинулись в путь. Крупные капли падали всё чаще, перерастая в настоящий ливень с грозой. Вскоре нам пришлось перейти на бег, разбрызгивая под ногами воду из луж. К тому моменту как мы добежали до квартиры Инны, ручьи, бегущие с наших промокших тел, могли сравниться только с теми, что текли по земле. Дрожа от холода, мы ввалились в прихожую, фыркая и отряхиваясь от воды. Инна мигом принесла два полотенца, и мы наскоро просушили волосы, стоя у порога.

– А где у вас половая тряпка? – спросил я, оглядев пол. – Мы тут всё залили, давай вытру.

– В ванной, на батарее должна висеть, – на улице снова раздался грохот. – Ого, как же разошёлся. Пойду, проверю, закрыты ли окна.

В ванной я наскоро выжал футболку и, найдя тряпку, тщательно вытер пол в прихожей. Затем, идя по небольшому следу из капель, я отыскал Инну в её комнате. Она стояла и досушивала волосы полотенцем, глядя на бушующую за окном бурю. Услышав сзади шаги, она обернулась и моим глазам предстала восхитительная картина, которую я запомнил до конца своих дней.

Сквозь мокрую белую блузку проступал розовый контур лифчика и виднелся каждый сантиметр её тела. Да, я и раньше обращал внимание на то, как же она красива, но сейчас во мне проснулось влечение иного рода, которое я почти всегда подавлял, не понимая его сути и боясь переступить некую запретную грань. Сейчас я вновь чувствовал это притяжение от того, что в голове одновременно крутились мысли об её фигуре и о том, как близко ко мне она стоит. Я желал подойти к ней ещё ближе и коснуться её кожи, её мокрых волос, мне хотелось бесконечности этого момента.

Мир вокруг нас словно застыл на месте, а мы сами словно превратились в соляные столбы пустыни. Никто не издавал ни звука, лишь шумел дождь за окном. Но в пустыне редко идёт дождь и реальность постепенно заменила душевный восторг, когда я наконец понял, что Инна тоже смотрит на меня. Она отлично видела, куда я смотрю. Она отлично понимала, что означает мой взгляд. Мы были уже далеко не в первом классе, чтобы это означало простые игры в гляделки. Да и будем честны, в гляделках люди смотрят в глаза, а не ниже их уровня.

Инна продолжала молчать, а я не до конца понимал, что же означает её взгляд. В нём было и спокойствие, и страх, и неуверенность и что-то ещё.

– Извини, засмотрелся, – изворачиваться или что-то выдумывать было бы совершенно подло и глупо, поэтому я как всегда был с ней честен от начала и до конца. – Ты очень красивая. Я так редко тебе это говорил, но это самая настоящая правда, не могу найти более подходящих слов.

– Спасибо, – она закусила губу, видимо тоже пытаясь высказать мысль, которую до этого момента всегда держала в себе. – Я не против, если это ты. В смысле смотреть, ты можешь смотреть, если хочешь. Это же ты, а не кто-то другой.

Она медленно одну за другой расстегнула пуговицы блузки и сняла её, бросив на кровать. Я подошёл к ней ближе, и мы стали целоваться, полностью отдавшись этому моменту. Я гладил её спину, наслаждаясь мягкостью её кожи. Её ладони были на моих щеках, словно она не хотела отпускать моё лицо ни на миллиметр от своего.

– Чувствуешь, как стучит? – она положила мою левую ладонь на свою грудь.

Её сердце, как и моё словно хотело пробить грудь, но дыхание Инны всё равно оставалось спокойным. Она доверяла мне, так же как и я ей. В этот спонтанный момент мы неминуемо становились ещё ближе. Это должно было когда-то случиться, подсказывало мне моё чутьё, и самое главное, что Инна тоже хотела этого, а значит можно было перестать бояться ранить её чувства.

– Можно я сниму его? – я провёл рукой по чашечкам лифчика и Инна согласно кивнула.

Я зашёл ей за спину, чтобы не терять времени и с лёгкостью рассоединил застёжки, отправив лифчик, следом за блузкой на кровать.

– Нравится? – улыбнулась Инна, когда я, развернув её к себе, вдоволь налюбовался тем, что ранее было всегда скрыто от моего взора.

– Они великолепны, – только и смог ответить я, лаская её груди.

Я снял футболку, и мы вновь слились губами, обняв друг друга. Её мягкая грудь прижалась к моей, её горячее дыхание обдувало моё лицо, её волосы пахли дождём. Я прижал её к себе так крепко, что она слегка пошатнулась, потеряв равновесие. Мне хотелось наслаждаться

этими мгновениями бесконечно, однако напряжение в моём теле конечно же нарастало всё сильнее. Был лишь один способ его снять, но воспользоваться им я не мог по некоторым объективным причинам.

А если выразаться ещё точнее, то по причине отсутствия этих самых нужных объектов. Если бы я только знал, что сегодня до этого дойдёт, то купил бы их заранее. Инна же тем временем начала расстёгивать мои брюки.

– погоди, – остановил я её. – Нам надо остановиться, у нас нету...

– У нас они есть, – прервала она меня и достала из ящика стола несколько презервативов в блестящей обёртке.

– Но откуда? – у меня просто отвисла челюсть. – Ты, что не постеснялась их сама купить?

– Конечно же, я сама не смогла бы, – Инна пожала плечами. – Это папа дал.

– Папа?!

– Ну да, он ведь определённо в курсе, чем могут заниматься дети в нашем возрасте.

– Может он ещё и в суть процесса тебя посвятил.

– Конечно, рассказал, почему и зачем люди этим занимаются во всех подробностях. А откуда мне ещё было об этом узнать как не от него? Ты ведь тоже от своего папы узнал о сексе?

– Нет, я просто нашёл на улице чей-то журнал с красочными иллюстрациями и описаниями.

– Ну что ж, хорошо, когда старшее поколение делится своей мудростью, – рассмеялась Инна. – А то, как видишь раннее планирование и подготовка лучше, чем простая импровизация.

– Вот это папа, просто всем отцам пример. И рассказал, и благословение дал, и защитой обеспечил, – продолжал поражаться я. – Я тоже так хочу, можно он меня усыновит?

– Думаю, это возможно, – повела бровью Инна. – Но ведь тогда мы станем близкими родственниками, интимные отношения между которым не являются нормой.

– А откуда тебе знать, что это не придаст им ещё большей пикантности и остроты?

– О какой же чуши мы сейчас говорим, разве сейчас не должно быть больше романтических высказываний, – рассмеялась Инна, закрыв лицо ладонью. – Довольно об этом, лучше иди ко мне.

Мы скинули остатки одежды и упали на кровать, продолжив обнимать друг друга. Я старался ласкать всё её тело, исследуя его, не упуская ни сантиметра мягкой гладкой кожи. В эти мгновения она была полностью моей, чутко отзываясь на каждое прикосновение, она жаждала меня так же сильно, как и я её. Мы совершенно не торопились, стараясь насладиться новыми ощущениями по максимуму и привыкнуть к столь неожиданной перемене в отношениях, прежде чем приступить к главному процессу.

Знания знаниями, но на практике всегда сложнее, поэтому не всё прошло гладко. Однако благодаря тому, что мы не спешили и старались понять ощущения друг друга как можно лучше, в конце концов, всё прошло хорошо. Спустя несколько часов мы полностью обессиленные, но полностью удовлетворённые молча лежали в кровати и старались уложить произошедшее в голове.

– Тебе было больно? – спросил я, обеспокоенный её молчанием.

– Поначалу да. Потом прошло, даже приятно было под конец. В следующий раз должно быть ещё лучше.

– А когда у нас следующий раз?

– Да хоть завтра. До выходных, когда папа будет дома всё равно ещё три дня.

– Нам нужно ещё и подготовиться ко вступительным экзаменам.

– Успеем, основную часть вопросов и тем я всё равно уже достала.

– Что бы я без тебя делал, – я, улыбнувшись, обнял её ещё крепче.

– А я не знаю, что бы со мной было без тебя, – вдруг серьёзно ответила она.

– Ну, была бы такой же примерной хорошисткой-активисткой. Только с девственностью.

– Я серьёзно, – в глазах у неё появились слёзы. – До встречи с тобой я всегда и во всём сомневалась. В своей вере в Путь, в своих увлечениях, в том как и что говорю, в своих мечтах. Я только и думала о том, что лучше бы меня не было. Тогда мама была бы жива, и папа не работал бы до поздней ночи на сверхурочных, а приходил, пораньше стремясь скорее её увидеть. Я знаю, что он меня не винит, но всё равно было очень больно видеть его таким одиноким. И мне казалось, что так будет всегда. А потом я встретила тебя и мир начал меняться. Ты всегда был таким спокойным, всегда верил в меня и поддерживал, помогал во всех начинаниях, не смеялся над моими мыслями. За все эти годы ты стал для меня гораздо больше чем другом, ты стал человеком без которого я не представляю себе смысла жизни. И сегодня я осознала это ещё больше. Поэтому если тебя не станет или ты уйдёшь, я не смогу жить, просто не смогу, – её слёзы текли по щекам, оставляя на моей груди мокрое пятно, она убирала их руками, но никак не могла остановить этот поток.

Инна не была горячкой, но всегда старалась держать свои чувства глубоко внутри. Мальчик, искавший Путь тоже не был разговорчив, ведь если ты по-настоящему умён, то не говоришь с окружающими о двух вещах: о том, что тебе больше всего нравится и своих новых начинаниях. Твоё молчание автоматически убивает все споры и ссоры на корню, ведь ты становишься сам себе судьёй. Никто из близких и друзей не скажет ни слова упрёка или недоверия, если ничего не будет знать, и такой же была философия Инны.

И всё же ради меня она не побоялась вытащить эти сокровенные мысли наружу. Она поведала мне о Пути, о смерти мамы и страхе неудачи, а её рыдания, когда нас хотели рассадить были абсолютно искренними, таким же как сейчас. Она всегда была на моей стороне, а я принимал это как должное, не понимая всей глубины этого чуда близости двух людей. Того чувства доверия, что проносится в сердце сквозь годы и остаётся там навсегда.

– Ничего со мной не случится, глупенькая, и никуда я не уйду, – я прижал Инну к себе, желая максимально сблизиться с ней в этот миг полный эмоций и откровений. – Ты самое лучшее, что есть в моей жизни. Ты единственная о ком я постоянно думаю и ради кого хочу быть примером самообладания и уверенности. Без тебя я бы не добился и десятой части своих успехов в школьных занятиях и пирографии. Ты даёшь мне силы идти по Пути дальше, несмотря на всю его непредсказуемость. Я люблю тебя, Инна, и не могу найти других слов, чтобы ещё лучше описать все свои чувства к тебе. Я тебя люблю.

– Я боюсь спугнуть этот момент. Я сейчас так спокойна и счастлива, но мне кажется, что стоит лишь чуть глубже вдохнуть или шевельнуться и этот момент уйдёт безвозвратно. И эти ощущения навсегда пропадут, – сказала Инна.

– Они уйдут, – ответил я. – Так всегда бывает. Но мы возьмём, да и вернём их. И сделаем это ещё и ещё раз. И будем возвращать столько, сколько захотим.

Уходя от неё, в тот день вечером я испытывал странные ощущения. На смену радости пришло смятение и непонимание всего того вороха мыслей, что копошились в голове. Но всё же ближе ко сну меня осенило внезапное озарение. То же самое чувство я испытывал когда она впервые поцеловала меня. Те чувства, которые я ощутил тогда, у меня получилось понять лишь сейчас. Ничего уже не будет как прежде. Ведь рядом со мной всегда будет человек, который поймёт и поддержит меня во всём, что бы со мной не случилось.

Спустя несколько месяцев мы сдали вступительные экзамены и решительно встали на путь получения высшего образования. Наде это давалось нелегко, она всё ещё разрывалась между двумя желаниями: пойти по стопам родителей-геологов или стать юристом. Родители одобряли оба её решения, а потому она находилась в смятении.

– Но это же две взаимоисключающих стези, профессии слишком разные, – возразил однажды я, – почему ты хочешь освоить и ту и другую?

– Мне хочется посмотреть на мир, испытать саму себя на прочность, хочу быть рядом со своими родителями и помогать им. Но также я хочу продумать и запасной вариант, если этот мне наскучит или я всё-таки не справлюсь. Мне очень нравится читать и изучать что-либо подробно, сложностей с запоминанием законов у меня возникнуть не должно.

– Да, но ведь ты не сможешь усидеть на двух стульях сразу. Ведь есть большой риск потерять кучу времени впустую на то дело, которое тебе не понравится.

– Ты же сам только и думаешь о выжигании по дереву, но всё равно поступил учиться сюда.

Она задела больное место. Я гнал от себя эти мысли прочь, но до сих пор не решил, кем буду работать. Мне хотелось сначала найти нормальную работу, а уже потом развивать своё хобби в денежном ключе. Я не верил в свободных художников, которые могут хорошо зарабатывать своим талантом, ведь миру гораздо больше нужны люди технического и экономического склада ума, а не искусства.

– Извини, если задела тебя этими словами, – опомнилась Надя, когда я глубоко задумался.

– Да нет, всё в порядке. Я и сам знаю, что совершаю странный поступок с точки зрения своих истинных желаний. Возможно, у меня просто не так много смелости как у вас с Инной, а я ещё и берусь, что-то советовать. Ты должна поступать как тебе видней. Я наверное просто огорчаюсь, что не могу продумать свои цели так же хорошо как ты.

Надя подсела ко мне ближе и протянула руку.

– Дай мне свою ладонь.

– Зачем? – удивился я.

– Я немного увлекаюсь хиромантией, хочу кое-что тебе рассказать. Знаю, тебя гложет неопределённость будущего, которое тебе неподвластно. Я не могу точно рассказать тебе, что уготовано впереди, но быть может, у меня получится успокоить тебя, – она провела пальцем по одной из линий моей ладони. – Это линия судьбы. У тебя она извилистая и имеет небольшие разрывы. Тебя ждут большие взлёты и падения, но ты сумеешь справиться с ними. Ты очень волевой человек.

– Это всё можно сказать всего по одной линии?

– Нет, просто их на руке много и они все взаимосвязаны. Я уже давно видела это на твоей ладони, но думаю, именно сейчас настал лучший момент рассказать об этом.

– Правда? – усмехнулся я – Ну спасибо за совет в таком случае, я запомню.

Я не верил в разные гороскопы, предсказания и хиромантию. И всё же её слова тогда вселили в меня веру в лучшее. Весь прошедший год я трудился и учился ещё усерднее, стремясь оправдать свою линию судьбы.

Первый год учёбы пролетел для нас совершенно незаметно и закончился так же быстро как и начался. Постепенно мы привыкли к новому темпу занятий и жизни. Инну назначили старостой группы, а Надя ей во всём помогала. Я тоже старался по мере своих сил, но большую часть свободного времени, конечно же, занимали домашние задания и пирография.

Мы Инной не скрывали своих отношений и с самого начала учёбы снова сидели за одной партой, всегда ходили вместе и сообща работали над совместными заданиями. Инна хорошо умела собирать новую информацию из учебников, а я всегда доводил и решал задачи до конца.

Большим облегчением для меня стало то, что отношения с Надей ничуть не ухудшились от того, что мы с Инной не скрывали своих чувств. Я боялся, что узнав о нашей близости, Надя начнёт чувствовать себя лишней и отдалится от нас, но этого не произошло. Мы оба любили и уважали её, так же как и раньше и при ней вели себя как обычно, не позволяя друг

другу фривольностей. Она же в свою очередь ни капельки не ревновала и только радовалась за нас, если Инна ей что-то рассказывала. Я часто видел как они о чём-то шепчутся и хихикают, бросая на меня взгляды, но лезть в эти женские разговоры не испытывал никакого желания. Они имели право на свои секреты от меня.

Близился день рождения Инны, в очередной раз я готовился составить ей компанию и навестить могилу её матери. Но у Инны внезапно появились другие планы.

– Слушай, я тут подумала о небольшом путешествии, – внезапно предложила она на очередной прогулке в парке.

– Куда именно? – заинтересовался я.

– Помнишь о фотографии, которую нам подарила Надя?

– Это та, которой она хвасталась ещё в школе?

– Да, я сохранила её и все эти годы думала о той горе. Там такой красивый рассвет, а какой оттуда открывается вид, это просто загляденье. И ведь это не так уж далеко отсюда, мы могли бы съездить туда на автобусе.

– Сколько это займет времени?

– Если вся поездка с дорогой туда и обратно, то примерно полтора суток. Возьмём с собой рюкзаки побольше, палатку, спальные мешки. Всё что нужно и не нужно, просто на всякий случай. У меня всё это есть, я могу одолжить у Нади и её родителей.

– А как же Надя, разве она не с нами?

– Дохлый номер, – скривилась Инна. – Родители её не отпускают, а она и не вздумает им перечить. Но плюсы, знаешь ли, есть и в этом, ведь мы будем только вдвоём. Что скажешь? – тут же хитро улыбнулась она.

– У меня всего один вопрос. Когда?

– Давай прямо через неделю.

– Но ведь это твой день рождения, я думал, что мы как обычно навестим твою маму – недоуменно спросил я.

– Мы навестим её, но после, – Инна вздохнула. – Я решила, что нужно сделать что-то новое на свой день рождения. Все эти годы я делала одно и то же, пришло время это исправить. Ты помог мне осознать, что порою нужно что-то менять.

Она и вправду изменилась, я почувствовал внутренний подъём радости, ведь я был частью этих изменений. Наблюдая за её постепенными шагами вперёд, я словно видел рождение новой жизни. Постепенное становление человека, побеждающего свои комплексы и страхи.

– Ты удивительная, – восхитился я ею, погладив её щёку

– Правда? Это почему?

– Потому что с тобою никогда не соскучишься.

Позже вечером я получил странный звонок от Владислава.

– Привет, Инна сказала, что вы собрались поехать за город на её день рождения. Ты уже согласился? – поинтересовался он.

– Да, а что-то не так?

– Нет, нет, всё в порядке. Я просто хотел предложить тебе вместо этого похода съездить на речку искупаться. Я с Инной и ты с семьёй, проведём выходные вместе. Просто день рождения Инны в этом году выпал на праздничные дни, мы с твоим отцом будем выходные, вот я и подумал устроить небольшой сюрприз.

– Да, – почесал я голову, – действительно неловко вышло.

– Я, почему и звоню, мне нужна твоя помощь. Если Инна себе что-то вбила в голову, то обязательно захочет это осуществить и меня она совсем не хочет слушать. Может быть, тебе удастся её уговорить поехать купаться? А в поход вы и после успеете сходить, что скажешь?

Я серьёзно призадумался. Мне хотелось отправиться в совместную поездку с Инной и побыть с ней вдвоём. С другой стороны пикник у речки тоже казался неплохой идеей. Более того я подумал, а как часто наши отцы вообще куда-то выбирают на отдых, разве они не заслужили эту поездку. Если мы с Инной откажемся, то они, скорее всего так и не поедут...

– Я попробую, – сдался я, – но ничего не обещаю.

На следующий день Инна первым делом, конечно же, рассказала о предложении отца.

– Представляешь, как не вовремя он это предложил, – сокрушалась она на прогулке. – Я уже столько всего распланировала.

– Он мне позвонил вчера.

– Что?! Но зачем?

– Хотел, чтобы я с тобой поговорил об этом.

– Не говори мне, что ты согласился.

– И да, и нет, – поспешил я успокоить её. – Не собираюсь я тебя уговаривать. Но подумай вот о чём, если ты не поедешь, то и он тоже. Ему в первую очередь хочется сделать тебе подарок, а если ты откажешься, то немного обидишь его. И это лишь одна грань несправедливости по отношению к твоему отцу, ведь у него наконец-то есть выходной день, который он может провести за городом. Но отказав ему, мы лишим его этой возможности.

– Значит ты...

– Ничего не значит, – перебил я её. – Я ведь тоже хочу пойти с тобой в поход, у меня не было ни капли сомнений по поводу этой идеи. Выбор по-прежнему за тобой, я поддерживаю любое твоё решение. Но ты должна помнить о том, что оно имеет последствия не только для тебя. Папа не желает плохого, наоборот ему всего лишь хочется провести выходной с дочерью и порадовать её. Считай, что это две возможных поездки за город по цене одной.

Инна замолчала, лицо её выражало внутреннюю борьбу. Некоторое время мы шли молча, каждый думал о своём. Я понимал, что ей нужно время обдумать сложившуюся ситуацию и больше ничего не говорил. За годы, проведенные вместе, я научился доверять ей и знал, что она примет правильное решение каким бы оно ни было, мне останется лишь поддержать её.

– Знаешь, когда ты это так преподнёс, я смогла посмотреть на ситуацию под совершенно другим углом, – начала высказываться Инна. – Когда папа вчера заявил о своей идее, мне показалось, что он попросту не хочет меня отпускать и специально выдумал причину для этого. А тут ещё его звонок тебе, я и вовсе готова была выйти из себя, я совсем забыла, как часто он обо мне заботился и понимал. Сколько всего он всегда старался сделать для меня.

– Вот видишь, – улыбнулся я. – Всё не так уж плохо. Так что просто поговори с ним об этом вечером, как остынешь. Я думаю, что он не будет давить на тебя, если ты просто выразишь свою точку зрения.

– Ах, ладно, – махнула рукой Инна. – Не буду я с ним спорить. В поход мы успеем сходить и позже, всё-таки целое лето впереди.

– Ну, вот видишь, – обнял я её, – обошлось и без трагедии. Главное в такие моменты не наговорить чего попало сгоряча.

– Ты лучший, – Инна стиснула меня руками. – Хочу, чтобы ты всегда был со мной в таких ситуациях и помогал мне с выбором.

– Это меньшее из всего, что я могу пообещать для тебя делать, положись на меня.

Инна имела несколько ветреную натуру, легко поддавалась эмоциям и часто в поиске новых впечатлений бралась за несколько дел сразу. Мне то и дело приходилось помогать и поддерживать её, чтобы она доводила всё до конца. Но вместе с тем у неё было очень доброе и чуткое сердце. Она умела понимать и умела быть благодарной. Такой она мне и запомнилась.

Я не сразу смог открыть глаза, когда, наконец, очнулся. Веки, словно стали весом с гири, было невероятно сложно их поднять. Я как будто пробуждался от векового сна, из которого всё

моё тело так сильно не хотело выходить, что отказывалось слушаться. Собрал силы, я сделал глубокий вдох ртом и тут же зашёл в приступе удушающего кашля. Мои лёгкие попросту не осилили такой объём воздуха и вытолкнули его обратно, как будто до этого я долгое время дышал очень медленно.

Окончательно открыв глаза, я, наконец, понял, что нахожусь в больнице. Белые с желтоватым оттенком стены, стерильный запах, и больничные койки, тянущиеся вдоль стен. Почти все они были пустыми, исключая стоящую рядом. В ней, спиной ко мне спал человек. Странным было то, что не было никакого постельного белья, исключая старый матрас, а человек укрывался курткой. Я решил, что нужно попытаться встать и отыскать какой-либо персонал.

В голове царил сумбур и пустота, я не понимал, что тут делаю и как сюда попал. Я осторожно привстал и сел, опустив ноги на холодный пол. Все действия были очень медленными, но сетка кровати всё равно под моим весом издала громкий скрип, отозвавшийся в голове как раскат грома. Человек в кровати тут же проснулся и, встрепенувшись, обернулся ко мне.

Это был Владислав, и вид у него был просто кошмарный, смятые волосы, круги под глазами и недельная щетина.

– Очнулся? Как себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил он.

– Как будто пробежал марафон, – честно признался я. – Сил почти нет, в груди боль, но самое плохое, что я не пойму как сюда попал. Что со мной произошло и почему вы здесь?

– А что последнее ты помнишь?

– Помню, как уговаривал Инну поехать с вами на речку, вместо похода. И вроде как, она даже согласилась. А потом... – я потёр лоб, силясь извлечь из памяти хоть что-то ещё. – А затем всё, полный провал. Что со мной произошло? И где Инна, я должен рассказать ей, где нахожусь. А почему вы тут? С нами что-то случилось?

– Я всё тебе расскажу, но позже. Оставайся здесь, я позову твоих родителей, ладно?

– А где Инна, мы, что пропустили её день рождения?

– Позже, – бросил он, торопливо покидая палату.

Я обессиленно откинулся на подушку, в груди неумолимо расплзалось чувство тревоги. Что-то произошло и мне об этом отказывались говорить. При попытке выйти из палаты я столкнулся с сопротивлением медсестры, тут же оказавшейся у входа. На все мои вопросы она отвечать отказывалась, сказав, что скоро придут мои родные с доктором и узнать можно будет у них.

Я удрученно вернулся на кровать и уставился в потолок с отваливающейся штукатуркой. Трещина, ползущая по его белой поверхности, напоминала ту, которая сейчас расплзалась у меня в голове. Я ощущал себя расколотым на «до» и «после» попадания в больницу, потому что между этим событием, казалось, прошло много лет. Не подумал бы, что небольшой провал в памяти настолько обескураживающая штука. При всём при этом я отлично помнил, кто я и многие события из моей жизни, выходит, что потеря памяти не была настолько уж сильной. Но вот что её вызвало?..

Спустя, казалось целую вечность, пришли родители с Владиславом. Мама тут же кинулась обнимать меня и спрашивать о самочувствии, она еле сдерживала слёзы.

– Я почти в норме, только слабость сильная и всё. Но расскажите мне уже, наконец, что произошло и как я тут очутился.

– У тебя поднялся сильный жар, – внезапно ответил отец. – Температура поднялась аж до сорока градусов и ты начал бредить, потерял сознание. Мы сразу же вызвали скорую, похоже это был грипп. Сейчас многие болеют, но мы и не подумали, что ты тоже подхватишь. Обострение было настолько серьёзным, что врачи немедленно госпитализировали тебя.

– Вот как, – простонал я. – Неудивительно, что ощущения, будто по мне каток проехался. И сколько я здесь пробыл?

– Трое суток, – не колеблясь, ответил папа.

– Ого, – я на время потерял дар речи, пока не вспомнил самое важное. – О, нет! Мы же хотели все вместе поехать на речку, неужели из-за меня пришлось всё отложить?

– Нет, – вмешался в разговор Владислав. – Перед тем как тебе стало окончательно плохо, ты созванивался с Инной и сказал, чтобы мы ехали вдвоём. Твои родители остались присматривать за тобой, а Инна и я отправились на природу.

– Ну, хорошо, – у меня отлегло от сердца. – Я уж подумал, что испортил всем выходные. А где Инна? Хочу поговорить с ней, надо рассказать ей, где я и что со мной.

Наступила тишина. Взрослые переглядывались между собой, как будто каждый молча высказывал своё нежелание отвечать мне. Ощущение чего-то неумолимого и зловещего начало прокрадываться мне в душу. И Владислав произнёс три слова, положившие начало конца.

– Инны больше нет.

Трещина резко ускорила свой рост, став разломом, что поделил моё мироздание на две части. В груди что-то рванулось вперёд, но не выдержав нагрузки, навсегда улетело вниз.

– Как это больше нет? – робко переспросил я. – Она куда-то уехала или что?

– Произошёл несчастный случай, – вздохнув, продолжил Владислав. – Мы поехали на речку и она сразу пошла в воду. Но что-то случилось. Или у неё свело ногу судорогой, или она забрела слишком глубоко. Течение подхватило и унесло её. Я пытался доплыть и вытащить её из воды, но не успел – говоря это, Владислав смотрел на свои ладони, будто держал в них Инну всего мгновение назад.

– А что потом? – мне просто не верилось, что он так спокойно говорит об этом, – Вам удалось отыскать её? Где она сейчас и что с ней?

– Спасатели ищут её уже три дня, но пока без толку. Все говорят, что, скорее всего тело отыскать не удастся, поскольку течение дальше по реке только усиливается.

Меня слегка передёрнуло. Мне не послышалось или он только что назвал её телом? Она была живым человеком, который мечтал и любил, а вовсе не комком плоти. Откуда в её отце внезапно появилось такое бездушное отношение?

– Но ведь её ещё не нашли, – возмутился я. – Может быть она выбралась из воды где-то дальше и попросту заблудилась?

– Поиски будут активно вестись ещё неделю, потом это будут делать один день в неделю. Окончательно поиски прекратят только, если найдут её или пройдёт пять лет и они признают Инну без вести пропавшей.

– А вы сами принимаете участие в поисках? Я тоже хочу присоединиться.

Владислав переглянулся с моими родителями, не зная, что сказать.

– Я понимаю твоё горе, потеря Инны это большой удар для всех нас, но сначала тебя должны выписать из больницы, – ответил вместо него отец. – Если захочешь принять участие, то мы с матерью не станем возражать. Но ты должен прийти в порядок, ты никому не сможешь помочь в таком состоянии.

– Я уже сейчас могу ходить, – возразил я. – Вы же сами видите, что со мной всё в норме.

– Я сказал нет, – отрезал отец. – Выйдешь из этого здания только с разрешения доктора.

Я со злостью посмотрел на него, но затем мои чувства смягчилось. Как бы отец не настаивал на своём, он всего лишь желал мне здоровья. Пойти против его воли я не мог, ведь нужно было найти место, где пропала Инна, добраться туда. Потом требовалось время и ресурсы на сами поиски, а затем надо было добираться обратно домой. Всего этого я обеспечить в одиночку не мог. Поэтому я сделал единственное правильное решение, отпустил хватку на горле этой ситуации и откинулся на кровать.

– Хорошо, пусть будет так. Могу я в таком случае побыть один, мне надо подумать над всем этим.

Они ушли, оставив меня наедине с мыслями. Я думал об её улыбке в нашу последнюю встречу; думал, что скажу ей, когда найду её вновь; думал о том, что теперь буду обни-

мать её гораздо крепче и чаще чем раньше. Со всеми этими размышлениями я провалился в сон, наполненный странными образами погружения в какую-то тёмную бездну. Я пытался выбраться из неё, но меня всё затягивало и затягивало вглубь, пока я наконец не проснулся, поняв, что это был лишь ночной кошмар. Но вот события и разговоры вчерашнего дня кошмаром не были и это было ещё хуже. Я вновь и вновь думал, как же мы будем искать Инну и где она сейчас.

Мама и брат навещали меня в последующие несколько дней, приносили фрукты, интересовались самочувствием и рассказывали о ходе поисков. Их новости не радовали меня, вестей с места происшествия не было, спасатели прочёсывали местность вокруг реки, в близлежащих населённых пунктах развешивали фото Инны и расспрашивали местных. Но всё было без толку, похоже, что течение унесло её ещё дальше.

Я выслушивал их, кивал и просил оставить меня. Не было никакого желания смотреть на их жалеющие взгляды. Я, конечно же, понимал их растерянность, они были бессильны и никак не могли помочь, хотя очень хотели. С нетерпением я ожидал лишь своей выписки и встречи с Инной, когда отыщу её.

Так постепенно началось моё горизонтальное падение куда-то вниз. Я знал, что совершаю шаги вперёд, но они почему-то никуда меня не вели. Все действия, совершаемые мной, будто бы делались, лишь для одной цели. Отложить в долгий ящик эту ужасную мысль, что жизнь уже не будет прежней и мне тоже уже не стать самим собой как раньше.

Спустя три дня меня выписали и, как и обещал отец, сразу отпустили на поиски вместе с Владиславом. На его машине мы добирались туда около полудня и вместе со спасателями прочёсывали устье реки. Всё это занимало много времени, поэтому с собой мы брали еду, походные принадлежности и палатку. Предстояло проделать долгий путь до места, где река впадала в широкий водоём. Он разделялся ещё на несколько рек и вести поиски оттуда, представлялось невозможным. Водолазы продвигались гораздо медленнее, чем те, кто искал у берегов, поэтому мы с Владиславом и ещё несколько человек продвигались к концу реки ударными темпами. Порою ночевали в палатке, порою возвращались домой, но каждый день неуклонно шли всё дальше и дальше вперёд. Так прошли две недели фазы активного поиска.

Владислав сказал, что мы почти подошли к концу реки и дальше пойдут только спасатели, а мы вернёмся домой и будем ждать. Я не стал ему перечить, хотя в душе был не согласен. Всё это время мы крайне мало разговаривали. Полагаю, он был убит горем, а я сдерживался, чтобы не обругать его. Именно идея Владислава о поездке к воде привела к тому, что Инна попала в такую передрыгу. Если бы не он, то после моей болезни мы бы уже отправились вдвоём в свой поход. А сейчас она была неизвестно где, одна и возможно полуживая от голода и усталости. Но высказывать всё это было бы слишком жестоко, наверняка он и сам понимал, какие ошибки допустил.

Вместо этого я решил по максимуму занять себя в ожидании возвращения Инны. Я решал домашние задания, данные нам в университете на лето, изучал заранее те предметы, которые нам предстояли. Я представлял, как расскажу и покажу всё Инне, а она похвалит меня и обрадуется, что я был так предусмотрителен. Я заранее собрал рюкзак для нашего похода на гору и расспросил Надю про маршрут. Она странно отреагировала на это, но я заверил её, что Инна обязательно вернётся, и мы отправимся в поход. И самое главное я продолжал выжигать, продолжал делать работу по эскизам, которые Инна для меня нарисовала. Это были мои лучшие творения, ибо я вкладывал в них всю любовь к Инне, которой хотел показать их все, когда закончу. Я записывал идеи, книги и фильмы о которых хотел поговорить с ней. Нам столько всего предстояло обсудить. Так прошёл ещё один месяц лета.

И в его конце отец сообщил мне, что Владислав назначил дату похорон Инны. Сердце моё упало куда-то вниз. Они не нашли её, не было никаких доказательств её смерти, но Инну

заранее решили забыть и похоронить. Вначале я не хотел туда идти, я обругал Владислава всеми известными мне словами и проклял его сотню раз, но затем родители всё же уговорили меня, обосновав это тем, что он итак страдает от потери дочери. А если же я не приду, то нанесу ему ещё большую рану.

Прощание состоялось в небольшой церкви, рядом с кладбищем, где была похоронена мама Инны. Из собравшихся я знал только родителей, Владислава, Надю и ещё несколько девчонок из нашей школы и университета. Рядом с пустым гробом стоял большой портрет Инны, годовой давности. Там она ясным взглядом смотрела в камеру, это было фото для студенческого билета, я был с ней в тот день. После того как мы сделали фотографии, Инна зачем-то попросила фотографа скинуть цифровые исходники фото ей на флешку. Я спросил зачем, а она ответила, что может пригодится в будущем. Как будто знала для чего именно. Интересно, а на моих похоронах тоже будет фото с того дня, призадумался я. Пожалуй, я бы дал на это согласие, ведь оно вышло весьма неплохим.

Каждый из присутствующих что-то говорил, прощаясь с Инной, а я стоял сзади всех. Смотрел на свои начищенные черные туфли и размышлял, понравилось бы Инне на собственных похоронах. Устроило бы её фото, количество собравшихся, их слова о ней? Безусловно, они все говорили много чего хорошего. Но эти слова были однотипны. Умная молодая, красивая, добрая, вот и всё. А я знал гораздо больше, знал, что она очень о многом мечтала. Знал, что когда-то она никому не доверяла. Знал, что она винила себя в смерти матери. И я знал, что она денно и нощно искала свой Путь, веря в то, что он подарит её существованию некий смысл.

Я понял, что мне становится всё более душно в этом помещении и потихоньку вышел, чтобы меня никто не заметил. На улице стоял чудесный летний день, в этом году август выдался особенно жарким и солнечным. Я слегка ослабил галстук, чувствуя, как под мышками расплзаются пятна пота. У меня не было ни единой мысли, что делать со всем клубком чувств в душе и в груди. Пойти обратно в церковь или домой, посидеть на лавочке в парке, которую мы так любили с Инной или пройти мимо витрин с картинами, выжженными на дереве. Но ни одно из этих мест не дало бы мне верного ответа, там не было ничего кроме воспоминаний. Столь прекрасных, но настолько же горьких сейчас. Я достал из кармана компас, подаренный Инной, его стрелка показывала направление в сторону севера. Туда, где я не был и туда, где должна была быть гора на которую мы собирались поехать.

И тут я кое-что понял про того мальчишку из безымянной книги о Пути. Раньше я всегда считал крайне спорной идею концовки, ведь она обрывалась на его отплытии и не было ни слова о его дальнейшей судьбе. Он просто исчезал вместе со своей лодочкой на фоне горизонта водной глади и всё. Это был весьма опрометчивый выбор, но суть истории была вовсе не в этом.

– Он попросту не мог больше находиться там, где был. Это место не давало никаких ответов, – изумлённо произнёс я эту мысль вслух. – Только Путь мог их дать.

Так я впервые пошёл по Пути. У меня не было ни цели, ни направления, лишь стойкое желание найти выход из того хитросплетения чувств, что угнездились в моём сердце. Я хотел получить ответы, на все эти вопросы, мучившие меня тогда и решил просто передвигать ногами до тех пор, пока не пойму, что же мне делать. Поначалу вокруг были места, которые я хорошо знал, но теперь в них не было ничего кроме воспоминаний и они больше не привлекали меня. Не было никакого смысла задерживаться там. Дома становились всё ниже, а улицы мало-знакомыми, я приближался к пригороду. Часы остались дома, и я не знал, сколько иду, но это пока не волновало, а потом перестало беспокоить совсем. Инна бы одобрила мой поступок, она прекрасно знала, что без Пути жизнь невозможна, Путь необходим для роста и самосознания.

Начинало темнеть, я шёл вдоль загородной трассы. Я обернулся и увидел огни моего ночного города. В нём остались дом, родные люди, пирограф, мечты и будущая работа. Но в нём больше не было Её, и я по-прежнему не знал, как с этим быть. Поэтому я двинулся дальше. Мой желудок начал урчать от голода, а пересохшие губы требовали воды, я задался вопросом,

сколько смогу пройти без пищи. Но вскоре начал гнать его прочь, Инна бы точно не одобрила такое проявление слабости. Дорога только начиналась, а я уже выдумывал трудности, прочь все эти мысли о возвращении назад, там больше ничего нет. В полной темноте я прошёл какой-то посёлок с лениво перекликающимися собаками. Вокруг стоял шум сверчков и проезжающих машин, я отошёл подальше от обочины, опасаясь, что водители могут меня не заметить в темноте. Дневная жара ощутимо спала, заставив меня застегнуть пиджак. Ноги болели от усталости и немного саднили от туфель, которые я ещё не успел толком разносить.

Со светом солнца начало теплеть, я изрядно продрог за ночь, не замёрзнув только потому, что вообще не останавливался. Усталость почему-то начала проходить и я обнаружил, что бесконечный шум в голове куда-то улетучился. Мне становилось всё легче, и я понимал, что Путь исцеляет меня, а значит, нужно было идти до тех пор, пока всё не станет как раньше. Инна бы точно одобрила такой серьёзный подход. Прошёл ещё один день, за ним второй и третий, а затем я сбился со счёта. Я уже еле плёлся по дороге, ноги стали тяжёлыми как гири, глаза слипались. Второе дыхание закончилось, пора было это признать.

Я увидел вдоль дороги заброшенную автобусную остановку и решил немного отдохнуть. Изначально я лишь хотел ненадолго присесть, но попытка встать обернулась болью в ногах и головокружением. Я лёг на потрёпанную временем скамейку и закрыл глаза. За несколько дней дороги я так и не смог понять, как мне теперь быть, как вернуть прошлое и что делать с этой пустотой в груди. Похоже, нужно было смириться с тем, что вновь ничего не будет как раньше. Это пугало, это пробуждало чувство отвращения к самому себе из-за беспомощности и безысходности. Я не мог ничего изменить, не мог исправить прошлое и отговорить Инну от той поездки, не смог отыскать её, не смог отменить её похороны, а теперь ещё и не мог даже шевельнуться. Я закрыл глаза и представил себе, что когда открою их вновь, то всё это окажется лишь кошмарным сном. Так Путь завершился в первый раз.

Я очнулся в той же больнице, что и после гриппа. Мои ноги горели от боли и еле двигались, а слабость во всём теле буквально придавливала к кровати. Один за другим приходили мои родственники. Их слова были утешительными, вопросительными, огорчёнными и разозлёнными. Я ничего не отвечал им, только молчал или отворачивался. Нечего было им сказать, не было смысла описывать то чувство пустоты, что прочно угнездилось в груди и не желало уходить, это была моя личная проблема. Всё остальное казалось чем-то глупым и неважным.

Полиция нашла меня через неделю после исчезновения в состоянии полного истощения и доставила обратно в город. Взглянув на себя в зеркало, я увидел бледное похудевшее лицо с кругами под глазами, которые впоследствии останутся на всю жизнь.

Спустя неделю после выписки меня отвели к психологу. Это оказался славный молодой человек, в основном, потому что он не осуждал меня и почти не спрашивал о моём уходе из дома. Он много расспрашивал о моём увлечении пирографией, о детстве и наконец, о планах на будущее. В конце он всё же спросил, не собираюсь ли я уйти вновь. Я ответил, что нет, в этом не будет ровно никакого смысла. Он посоветовал мне заняться выжиганием в остаток дня, и мы распрощались.

Будучи дома, я решил последовать его совету и отвлечься на творчество. Пирограф как-то непривычно лежал в руке, неудивительно, ведь я не брал его больше двух недель. Сначала я провёл несколько линий и завитков на черновой доске, чтобы освежить мышечную память, а затем решил взяться за нечто более основательное. Взгляд мой упал на несколько эскизов, сделанных Инной. Я мечтал показать их ей, но так и не успел закончить, всё время откладывая на потом. А что делать с новыми работами, кто же нарисует эскизы лучше неё? И кому я теперь буду показывать результаты своих работ. Разве кто-то способен порадоваться и восхититься ими лучше, чем она.

Я посмотрел на свою линию судьбы на ладони, извилистая и пересечённая разными событиями. Враньё, подумал я, полное враньё. Больше меня ничего не ждёт, кроме бесконечного пустого бытия. Я прислонил раскалённую иглу пирографа к началу линии и, выжигая кожу, провёл до самого её конца, делая свою судьбу абсолютно прямой и понятной. Морщась от боли, я уложил пирограф в коробку, положил в самый дальний угол шкафа и больше никогда не брал его в руки.

Часть вторая. Блуждание

Было бы легко сказать, что проблемы начались с гордыни, но её не было и в помине. Странности и неудобства пришли вместе со сном, а точнее с его отсутствием. После первого визита к психологу я приходил к нему ещё несколько раз, а затем меня, наконец, оставили в покое. Мы с ним побеседовали о моём будущем и мило попрощались, чтобы я мог двигаться дальше. Ожог я предусмотрительно скрыл, а позже сказал всем, что случился несчастный случай на кухне. Жарка яичницы может быть не менее опасным делом, чем спасение людей из горящего здания.

Я действительно больше ничего не собирался предпринимать, чтобы навредить себе. Это бы ничего не решило, только напугало родных и близких. Инна бы такое поведение точно не одобрила. Вместо этого я полностью сосредоточился на учёбе, с головой уйдя в программу второго курса обучения. Оставалась всего неделя до его начала, когда я обнаружил, что стал просыпаться раньше обычного.

Если бессонница – это когда не находишь себе сна и покоя, как же назвать то состояние, когда не находишь себе движения и жизни? Не знаю, но могу сказать точно, что я поселился, где-то посередине двух этих пограничных состояний бытия. Сон уменьшился примерно на треть, и я спал только пять или шесть часов вместо привычных восьми-деяти. Естественно я не придал этому внимания, просто стал вставать раньше всех, завтракать и приниматься за обычные дела типа учёбы, уборки или готовки. Родные стали в шутку называть меня «самым ранним жаворонком», когда раз за разом обнаруживали меня на кухне перед работой. Я готовил им завтрак и затем занимался своими делами вплоть до вечера. Затем ложился спать, и всё повторялось, но минуты сна неумолимо уменьшались.

Осознал я это только когда подсчитал, что за полгода мой сон сократился до четырёх-пяти часов. Простые средства вроде валерианы или пустырника помогали быстрее уснуть, но вот длительность сна так и не меняли. Меня это не слишком беспокоило, в своих снах я постоянно тонул или чувствовал как что-то тёмное и холодное поглощает меня без остатка, бодрствовать было приятней. Естественно это отразилось и на внешнем виде, увеличились круги под глазами, появились небольшая худоба. Из всех сил я давал окружающим понять, что вызвано это лишь большим количеством объема задач в университете, больше всего я опасался снова попасть к психологу. Ибо вторая проблема не должна была стать известной никому.

Как-то раз я решил принять ванну, пока никого не было дома. Хотелось собраться с мыслями, а после может и получилось бы немного вздремнуть днём, чтобы скомпенсировать нехватку сна ночью. Набрав воды погорячее, я залез в неё и уже приготовился расслабиться, как вдруг голову и тело стали заполнять странные ощущения. Руки и ноги постепенно начали расслабляться и неметь, я переставал их чувствовать. Похоже, слишком горячую набрал, совсем разморило, подумал я, прежде чем эта же слабость перешла и на остальное тело. Моя маленькая ванна, в которую я минутами ранее еле помещался, начала превращаться в бездонный и бескрайний океан, ограничения её краёв и дна куда-то делись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.